

ИЗ ИСТОРИИ ГОРЬКОВСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ: «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» И «ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА»

Статья Л. М. Хлебникова *

История организации и деятельности издательств, тесно связанных с именем Максима Горького, давно привлекала внимание советских исследователей. Особенно много писалось об издательстве «Всемирная литература», работа которого отражена в исследованиях литературоведов и в многочисленных воспоминаниях современников¹. Частному издательству З. И. Гржебина, главным редактором которого также был Горький, повезло меньше: единственная статья об этом издательстве О. Д. Голубевой появилась в ее работе «Горький-издатель» только в 1968 г.

Казалось бы, что история первого издательства достаточно хорошо изучена. Однако это не так. Почти все имеющиеся статьи и исследования построены приблизительно по одной и той же традиционной схеме, повторяют одни и те же факты. Авторы их ограничиваются подробным рассказом о планах издательства, перечисляют его сотрудников и т. д. и при этом значительно преувеличивают роль издательства в культурной жизни нашей страны 1918—1922 гг. При этом дается как бы «внутренняя» история издательства в отрыве от конкретных исторических условий, от истории советского издательского дела того периода. Отдельные факты из истории советской книги 1918—1921 гг. привлекаются скорее для иллюстрации, чем для освещения действительного положения горьковских издательств в системе советского государственного издательского дела.

Несмотря на наличие большого количества документов, в том числе давно опубликованных, в имеющихся исследованиях очень слабо освещена та большая помощь, которая постоянно оказывалась Горькому в осуществлении его грандиозных издательских планов Коммунистической партией и Советским правительством, прежде всего Лениным и Луначарским.

Мало и недостаточно четко освещены в имеющейся литературе сложные и противоречивые обстоятельства, те огромные трудности чаще объективного, но иногда и субъективного характера, которые сопровождали с самого начала деятельность горьковских издательств и привели к прекращению их работы.

Мы не пытались детально исследовать деятельность двух горьковских издательств, это невозможно в пределах одной статьи. Свою задачу мы видели в том, чтобы ввести в научный оборот новые документы, впервые извлеченные из архивов, и связать их в одну систему с документами, уже достаточно известными, но получившими теперь новое освещение.

Вплоть до лета 1918 г. Горький много времени и творческой энергии отдавал работе в различных научно-просветительских и общественно-литературных организациях, таких, как «Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук», «Культура и свобода», «Лига социального воспитания», «Союз деятелей

* Документы, хранящиеся в ЦПА ИМЛ, подготовлены к печати и предоставлены автору статьи В. Д. Зельдовичем и А. П. Тропиной.

искусств» и др. После прекращения их деятельности он обращается к мысли о необходимости издания книг для народа.

20 августа 1918 г. Горький, А. Н. Тихонов, З. И. Гржебин и И. П. Ладыжников заключили договор об организации издательства «Всемирная литература»². Первоначальная программа издательства предусматривала переводы на русский язык и издания со «вступительными статьями, примечаниями и рисунками» избранных произведений иностранной художественной литературы XVIII — нач. XX в., а также издание избранных произведений русских писателей того же времени. Договор уполномочивал Горького вести с Наркомпросом переговоры об организации издательства, причем с самого начала предполагалось, что издательство будет финансироваться Советским правительством через Наркомпрос.

Возможно, между 20 и 30 августа 1918 г. Горький и Луначарский провели несколько бесед о целях и задачах издательства. Через шесть лет Луначарский вспоминал: «Я еще помню, с какой робостью мы с Рязановым подходили к Горькому, чтобы через посредство издательства „Всемирная литература“ перекинуть к нему мост от партии. Ведь всем хотелось сохранить за нею этого блестящего писателя...»³.

Безусловно, Ленин хорошо знал об этих переговорах и приветствовал возвращение Горького к сотрудничеству с большевистской партией в деле культурного строительства в стране.

30 августа 1918 г. Луначарский, приехавший в Москву, доложил на заседании Коллегии Наркомпроса о проекте договора с Горьким и смете издательства на 2-е полугодие 1918 г., представленный Горьким⁴. По смете до конца года на расходы издательства требовалось 9 млн. 500 тыс. рублей, а так как бюджет Наркомпроса уже был утвержден, то Коллегия постановила обратиться в Совнарком с просьбой выделить Наркомпросу дополнительные средства специально для организации издательства. Проект договора и смета Коллегией были в принципе приняты, а Луначарскому было предложено «продолжить переговоры с Горьким и выяснить дальнейший план издания»⁵. Последнее замечание было вызвано намерением Горького издавать под своей редакцией также произведения классиков русской литературы, в то время как по декрету о Государственном издательстве и постановлению Коллегии Наркомпроса от 14 февраля 1918 г. это право в течение пяти лет принадлежало только Наркомпросу (его Литературно-издательскому отделу).

Обращает на себя внимание тогда же выраженное Коллегией пожелание, чтобы: 1) Максим Горький не был связан ни с какой определенной группой в качестве коллективной редакции издательства, 2) чтобы приглашение редакторов и комментаторов происходило с ведома Комиссариата и 3) чтобы текст предисловий и сопроводительных статей проходил предварительно через Комиссариат.

Эти требования будут понятны, если учесть, что именем Горького в первой половине 1918 г. не раз прикрывались различные группировки буржуазной интеллигенции, не только редакция газеты «Новая жизнь», но и Союз деятелей искусств, требовавший от Наркомпроса передачи ему руководства искусством в стране. Идея государственного партийного руководства искусством красной нитью проходит через все высказывания Луначарского того периода. В одной из статей он так писал, отвечая мелкобуржуазной интеллигенции: «Мы рады вашему сотрудничеству, мы принимаем каждого человека доброй воли, но, извините, руководство еще на более или менее длительный период должно остаться за коммунистами или лицами, пользующимися безусловным политическим доверием партии»⁶.

30 августа было совершено покушение на Ленина. Боязнь за жизнь близкого друга, вождя революции заставила Горького приехать в Москву, и он встретился с Владимиром Ильичем. В газетах сообщалось, что их беседа была посвящена взглядам Горького на задачи культурной работы Советской власти и что «тов. Ленин отнесся к планам М. Горького с большим сочувствием»⁷. В это же время Горький передает права на издание всех своих сочинений издательству ЦК РКП(б) «Коммунист». Об этом писала вся печать⁸. В газетных сообщениях подчеркивалось, что между наркомом Луначарским и Горьким достигнута договоренность о конкретной помощи писателя Наркомпросу в деле культурного строительства в стране; сообща-

лось, что создается специальное издательство во главе с Горьким, двухнедельный журнал под редакцией Луначарского и Горького, где «будут собираться все сведения о творчестве в Советской Республике» и т. д.

Уже 4 сентября 1918 г. Наркомпрос в лице Луначарского и литературно-издательская группа в лице Горького подписали договор об организации издательства «Всемирная литература»⁹.

По этому договору издательство создавалось при Наркомпросе на автономных началах и только для редакционной подготовки книг к печати. При этом Горькому предоставлялась полная свобода в руководстве делами издательства: выборе книг для издания и установлении их тиража, в определении характера вступительных статей и примечаний, подборе авторов, переводчиков и редакторов и т. д.

В договоре речь шла об издании только иностранной художественной литературы.

Был принят план Горького всю намеченную к изданию литературу выпускать в виде массовых брошюр и отдельных книг, причем всего предполагалось в течение трех лет издать около 2000 брошюр и 800 томов.

По договору Наркомпрос обязан был все приготовленные издательством рукописи сдавать полностью в набор «без всякой задержки» (пункт 3), т. е. должен был взять на себя все заботы по печатанию продукции издательства. Однако этому противоречили пункты 7-й и 8-й договора, по которым Наркомпрос обязывался принять все меры к тому, чтобы предоставить в полное пользование издательства «Всемирная литература» государственную или частную типографию, причем техническое наблюдение за набором и печатанием книг должно было осуществлять само издательство.

Заметим, что 21 октября 1918 г. по постановлению Президиума ВСНХ издательству была выделена в Петрограде хорошо оборудованная типография закрытой газеты «Копейка», а когда Горький выразил неудовольствие тем, что комиссар типографии плохо выполняет его указания, комиссаром типографии был назначен сам Горький¹⁰.

Но это произошло позднее, а пока Луначарский направил в Совет Народных Комиссаров постановление Коллегии от 30 августа, договор с Горьким и проект сметы, сообщая, что Горький согласился на все предложения Коллегии, взяв на себя в дополнение к подписанному договору соответствующие обязательства перед Наркомпросом¹¹.

11 сентября 1918 г. Совнарком под председательством Я. М. Свердлова (Ленин был еще болен) рассмотрел эти материалы и постановил договор с Горьким утвердить, а издательству в счет аванса предоставить 1 млн. руб. из средств Наркомпроса. Остальные деньги Наркомпрос тоже должен был выделить из своего бюджета¹².

Сделать это было очень трудно, так как все средства Наркомпроса были распределены заранее, необходимо было снова пересмотреть бюджет Комиссариата. Эта работа продолжалась около месяца, пока, наконец, Наркомпрос не представил Совнаркому убедительные данные о невозможности выкроить средства из имеющегося бюджета. 2 ноября 1918 г. Совнарком, согласившись с этими данными, постановил отпустить Наркомпросу из резерва правительства 6 млн. 657 тыс. руб. специально для издательства «Всемирная литература». При ознакомлении с текстом договора в нем были найдены указанные выше противоречия, поэтому в том же постановлении Наркомату юстиции было предложено при участии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции в недельный срок «тщательно изучить этот договор» и представить в Совет Народных Комиссаров свое заключение¹³.

Комиссия, назначенная Совнаркомом, обратила внимание на противоречия в договоре, и 21 ноября по предложению этой комиссии к договору было добавлено соглашение, касающееся технической части издания¹⁴. По этому соглашению с Наркомпроса снималось обязательство издавать книги, так как это обязательство ничем не обеспечивалось: кроме и без того перегруженного, крошечного аппарата Литературно-издательского и некоторых других отделов, у Наркомпроса никаких издательско-технических сил не было. При подписании договора Луначарский явно переоценил издательские возможности своего ведомства.

Хотя договор был исправлен, Наркомат рабоче-крестьянской инспекции не дал разрешения на перевод Горькому суммы, утвержденной Совнаркомом. Об этом сви-

ЛУНАЧАРСКИЙ И ГОРЬКИЙ

Москва, 1929 г.

Фотография

детельствует телеграмма Горького и заместителя наркома просвещения в Петрограде З. Г. Гринберга Луначарскому, которую, согласно распоряжению Луначарского, управление делами Наркомпроса 14 декабря 1918 г. переслало Ленину¹⁵.

После этого деньги Горькому, видимо, были высланы, так как вопрос об ассигнованиях в последующей переписке больше не затрагивался.

Пока происходили все эти заседания, совещания, велась переписка и т. д., имевшие своей целью узаконить существование издательства Горького и определить его место в системе государственных учреждений, Горький с группой ближайших сотрудников работал над подробным планом издательства, распределяя заказы между переводчиками и редакторами.

В процессе этой подготовительной работы он снова вернулся к мысли о необходимости издания русской художественной литературы XVIII—XIX вв. 19 декабря 1918 г. он представил в Наркомпрос докладную записку, в которой предложил передать ему, кроме права издания всей переводной литературы, также и издание литературы отечественной, как классической, так и современной¹⁶. Но в это время, как было сказано, уже около года работал Литературно-издательский отдел (ЛИО) Наркомпроса, который успешно осуществлял издание русских классиков в двух сериях: основной и для малоподготовленного читателя («Народная библиотека»)¹⁷.

С мая 1918 г. по май 1919 г. ЛИО издал 142 книги русской классической литературы общим тиражом более 8 миллионов экземпляров¹⁸. Это были очень дешевые книги, так как частью они печатались с дореволюционных матриц. Характеризуя работу этого издательства, Луначарский в октябре 1918 г. с гордостью писал: «...Но не назовет ли всякий чудом и то, что в год столь трагический и тяжелый, почти без бумаги и типографий государство смогло здесь, в Петербурге, развернуть такую издательскую работу, которая ставит наше государственное издательство впереди всех имеющихся до сих пор в России. Мы издали дешевых книг (собраний сочинений классиков) более

чем на десять миллионов рублей. Достаточно привести маленький пример из отчета издательства: если бы поставить все изданные за этот год (с января по октябрь 1918 г. — Л. Х.) книги на полку одну к другой, то потребовалась бы полка, равная расстоянию от Москвы до Петербурга. Пусть с этой колоссальной полки снимают мозолистые руки крестьян и рабочих томы, написанные когда-то именно для них великими русскими писателями, но до сих пор до них не доходившие»¹⁹.

План Горького дублировал уже существовавшее издательство, нарушая государственную монополию, и вызвал, по-видимому, возражения, поскольку 9 января 1919 г. Малый Совнарком, заслушав доклад заместителя наркома просвещения М. Н. Покровского о проекте договора об организации нового издательства Горького «Русская литература», с не менее широкими планами, чем издательство «Всемирная литература», отложил вопрос «до приезда и личного доклада Горького». Ленин, знакомый с деятельностью Литературно-издательского отдела Наркомпроса, утвердил это решение²⁰.

Работа по переводу произведений мировой литературы продвигалась быстрыми темпами, в переводчиках и редакторах недостатка не было. С каждым месяцем накапливались рукописи, готовые к набору; в типографии «Копейки» уже не хватало шрифта для набора все новых и новых книг. Однако за полгода деятельности издательства, вопреки всем планам (по договору планировалось выпустить до 1 января 1919 г. не менее 200 брошюр и 60 томов), не было выпущено ни одной брошюры, так как издательство «Всемирная литература» не было и не могло быть включено в государственный план снабжения бумагой на 1918—1919 гг. В стране был бумажный голод, вся бумага уже была распределена между существовавшими государственными издательствами, получавшими ее по скудной норме, частные и кооперативные издательства, выпускавшие несколько книг в год, добывали бумагу почти всегда сами. Для такого огромного издательства, как «Всемирная литература», нужно было очень много бумаги, частным путем достать ее было невозможно. Выдать бумагу из государственных запасов, уже распределенных на год, — значило сократить планы издания партийных, государственных и ведомственных издательств. Вопрос еще более осложнялся тем, что издательское дело в стране в то время вообще не было упорядочено, часть издательств дублировала друг друга, велись споры из-за типографий, бумаги и т. д. Вот почему неоднократные обращения Горького в орган, ведавший производством и распределением бумаги, — Главное управление государственными предприятиями бумажной промышленности (Главбум) и его Петроградское отделение (Правбум) результатов не давали. Положение становилось критическим.

Тогда 6 марта 1919 г. Горький обратился к Ленину с телеграммой: «Дело, в которое вложено столь много энергии и которое обещает колоссальные результаты, должно погибнуть. Прошу Вашего содействия»²¹.

Телеграмма была направлена в два адреса: Ленину и наркому торговли и промышленности Л. Б. Красину (ему в то время подчинялся Главбум). Пользуясь поездкой М. Ф. Андреевой в Москву, Горький и через нее обращается к Ленину с жалобой на Правбум, который упорно отказывался отпустить издательству бумагу, сначала выдав, а потом аннулировав свое же разрешение.

Ленин был противником «волевых» решений; несмотря на все свои симпатии к Горькому, он считал необходимым высказать мнение и другой заинтересованной стороны. Поэтому 12 марта 1919 г. он посылает Красину записку, в которой запрашивает: «Кто такой Правбум? Нельзя ли достать копии его разрешения и его аннулирования? Кому подчинен Правбум? Я должен буду затребовать у него отзыва, а кстати, запросить поточнее, на какие книги и брошюры просит „Всемирная литература“»²².

Красин ответил (на обороте ленинской записки): «Упорный отказ Питера в отпуске этой бумаги, месяцами лежащей без употребления, есть несомненный и злостный саботаж, не знаю лишь, Правбума, Левбума или какого-либо иного бума. 17/III. К р а с и н»²³.

О дальнейших шагах, предпринятых Лениным, мы можем судить по письму, подписанному Горьким и заведующим техническим отделом издательства «Всемирная литература» Гржебиным и адресованным Петроградскому Совету. В этом письме от 26 марта говорится: «Уважаемые товарищи! Согласно резолюции <Президиума> ЦИКа

по докладу тов. Ленина о предоставлении издательству „Всемирная литература“ при Народном комиссариате по просвещению печатной бумаги, Главбум прислал по нашему адресу следующую телеграмму: „Всемирная литература“ может получить 6670 (пудов) печатной (бумаги), если Петроградский Совдеп даст согласие числить эту бумагу с фонда общественно полезных изданий (в) 2 тысячи (пудов) в месяц, находящегося (в) его распоряжении. (При) представлении согласия Совдепа Правбуму бумагу получите. Картон предназначен (для) железнодорожных билетов. Выясняем возможность, через день ответим». Доводя о вышеизложенном до вашего сведения, просим выдать нам в возможно срочном порядке необходимое распоряжение. Считаем нужным поставить вас в известность, что у нас набрано около 700 листов и дальнейший набор, как и продолжение самого издательства, в случае неполучения бумаги считаем бессмысленным»²⁴.

Обращение Ленина в Президиум ВЦИК свидетельствует о том, что Ленин, оставшись неудовлетворенным ответом Красина, принял все меры для того, чтобы лично разобраться в этом деле.

Несмотря на отрицательную резолюцию, наложенную каким-то ответственным работником Петроградского Совета на письме «Всемирной литературы»: «Отказать. Бумагу передать издательству Петроградского Совета», — предложение Ленина, хотя и с опозданием, было выполнено²⁵.

Между тем жизнь шла вперед. В результате работы специальной комиссии ЦК РКП(б) во главе с Луначарским произошло объединение всего издательского дела в стране, было создано единое Государственное издательство РСФСР²⁶. Во главе издательства партия поставила В. В. Воровского. В связи с начавшейся реформой издательств и ликвидацией Литературно-издательского отдела Наркомпроса, который вливался в Госиздат, Горький на этот раз в письме к Воровскому 26 апреля 1919 г. снова ставит вопрос об организации под его руководством «критико-исторического издания» «Русская литература XIX в.» в объеме 400—500 томов, «с биографиями авторов, очерками эпохи и разного рода примечаниями»²⁷. Он ссылается на одобрение Луначарским этого плана. Горький информирует Воровского о деятельности «Всемирной литературы»:

«Теперь нами организовано издание „Литературы Востока“, в этой работе принимают участие крупнейшие наши востоковеды, люди с именами европейскими.

Мы даем новый перевод Библии, а кроме того, тубингенское критическое издание ее, даем литературу Китая, Японии, Тибета, Монголии, Персии, арабов, Турции и т. д., вплоть до индусской, египетской и ассирийского эпоса.

Это — огромная работа, и, конечно, она хорошо поставит Советскую власть в глазах интеллигенции Западной Европы. Но еще более крупным я считаю агитационное значение „Всемирной литературы“, которая охватывает в нашем плане все, что создано европейской мыслью от Вольтера до Анатоля Франса, от Свифта до Уэллса, от Гете до Рихарда Демеля и т. д.

На днях будет готов наш проспект, напечатанный по-английски, по-немецки и по-французски, мы посылаем его во все страны: в Германию, Францию, Америку, Италию, Англию, скандинавам и пр.

Как видите — задача грандиозная, и никто еще до сей поры не брался за ее осуществление, никто в Европе.

Этому делу власть должна энергично помогать, ибо пока — это самое крупное и действительно культурное предприятие, которое она может осуществить»²⁸.

Через два дня после письма Воровскому о «Русской литературе XIX в.» Горький подписывает с Луначарским соглашение (дополнительное к договорам 4 сентября и 21 ноября 1918 г.), по которому в составе издательства «Всемирная литература» открывался отдел «Русская литература XX века»²⁹.

Препровождая это соглашение Воровскому, Горький 4 мая 1919 г. писал ему о вновь расширившихся задачах издательства: «Цель „Всемирной литературы“ — взять в свои руки издание всей художественной литературы, в том числе и текущей» и предлагал согласовать планы издания книг в целях устранения параллелизма в работе³⁰. Тут же он запрашивал: «Как стоит дело с „Русской литературой XIX века“?»

Воровский не мог еще ответить на это письмо, так как Центральная редакционная коллегия Госиздата РСФСР была утверждена Совнаркомом 5 июня 1919 г. (Постановление ВЦИК о создании Госиздата было опубликовано 21 мая). Предстояла колоссальной сложности работа по слиянию государственных, партийных и ведомственных издательств Москвы и Петрограда в единое Государственное издательство.

Именно в это время Горький связывает свои замыслы с издательским предприятием З. И. Гржебина и становится во главе его редакционного совета.

Заманчивой для Горького явилась не столько идея огромного частного издательства естественнонаучной и общественно-политической литературы, предложенная Гржебиным, сколько найденный им выход из того тяжелого положения, в котором находилась «Всемирная литература» (и, добавим, вообще все издательства, включая Госиздат) из-за бумажного и начавшегося типографского кризиса. Перенести печатание книг за границу казалось простым и разумным выходом. Гржебин представлялся Горькому «человеком энергичным и в книжном деле опытным», как писал он Воровскому 21 мая 1919 г.³¹

«Дело — огромное, — подчеркивал Горький. — Люди, призванные к работе просвещения народа, должны всячески способствовать его осуществлению и успеху. И вот я горячо прошу Вас помочь всем, чем можете, Зиновию Гржебину осуществить это дело. Да, это будет частное предприятие, но где иной выход для снабжения страны духовной пищей?» Несколько выше в том же письме Горький заверял, что заграничные издатели «не войдут в сношения с Советской властью, но войдут в таковые с частным лицом, особенно если узнают, что дело, им затеянное, имеет чисто культурный и научный характер».

5 июня 1919 г. на первом же заседании Редакционной коллегии Госиздата в присутствии Луначарского Воровский доложил о содержании полученных им предложений Горького. По докладу Воровского были приняты два постановления. 1) *Об издательстве «Всемирная литература»*: «Признать нежелательным передачу книгоиздательству „Всемирная литература“ издания русских классиков и современных писателей. Поручить В. В. Воровскому с А. М. Пешковым рассмотреть список подготовленных и намеченных к печатанию книг для установления, в каком порядке желательно их издание». 2) *Об издательстве «З. И. Гржебин»*: «Отклонить государственное субсидирование частного издательства „З. И. Гржебин“. Предложить издательству „З. И. Гржебин“ взять на себя печатание книг, подготовленных книгоиздательством „Всемирная литература“, в Финляндии на условиях оплаты Государственным издательством всех действительных расходов по печатанию и предоставления З. И. Гржебину 5% из этой суммы на покрытие накладных расходов. Поручить В. В. Воровскому совместно с техниками Государственного издательства выработать условия, гарантирующие действительное получение книг из Финляндии»³².

16 июня 1919 г. издательством «Всемирная литература» была передана в Наркомпрос смета на 2-е полугодие 1919 г. с приложением подробной записки-отчета о его деятельности со времени возникновения³³. В записке указывалось, что в портфеле издательства, кроме рукописей, сданных в набор, только по отделу западной литературы, имеется около 3 тысяч авторских листов готового материала и что в июле на основе выданных ранее 8 тысяч пудов бумаги предполагается выпустить первые 10—15 книг.

«В будущем, — указывалось в записке, авторы которой еще не знали о состоявшемся постановлении Редколлегии Госиздата, — издательство „Всемирная литература“ предполагает расширить круг деятельности этого отдела („Русская литература XX века“), рассматривая его как часть издательской программы, включающей в себя избранные произведения всей русской литературы с момента ее возникновения».

В другом сообщении издательства Госиздату РСФСР 8 июля 1919 г. говорилось, что только что вышли из печати тиражом 10—20 тыс. экземпляров первые 5 книг издательства (Г. де Мопассан «Сильна, как смерть», А. Франс «Остров пингвинов», О. Мирбо «Деревенские рассказы», Г. Д'Аннунцио «Пескарские рассказы» и А. Франс «Дело уличного торговца») и что во втором полугодии 1919 г. планируется выпустить

50 книг основного издания и 100 брошюр народного издания. Кроме того, предполагалось издать 20 книг из серии «Русская литература XX века»³⁴.

10 июля 1919 г. Коллегия Наркомпроса, заслушав доклад Воровского о планах издательства «Всемирная литература», постановила: «Отказаться от предложения издательства „Всемирная литература“ об издании им произведений русской художественной литературы, предоставив Государственному издательству пользоваться для выполнения частных программ услугами „Всемирной литературы“ наравне с различными частными издательствами»³⁵.

Тем временем был составлен первоначальный план издательства З. И. Гржебина и в конце июня 1919 г. представлен в Госиздат³⁶. В составление этого плана Горький вложил немало сил и труда, и если более поздний вариант плана, изданный в Берлине в 1921 г.³⁷, был более или менее плодом коллективной мысли, то программа издательства 1919 г. носит яркий отпечаток личности Горького.

«Книгоиздательство, — говорилось в проспекте, — ставит себе целью напомнить народу его историческую работу в прошлом, осветить все условия настоящего, показать цели в будущем, возбудить в нем чувство историзма, самоуважения, веру в свои силы, дух деятельности, самокритики и любовь к труду, к процессу жизни».

С этой целью должна была выходить специальная историко-культурная библиотека «Жизнь мира» под общей редакцией М. Горького, В. А. Десницкого и А. П. Пинкевича. Библиотеку должны были составить популярно написанные брошюры объемом 2—5 печ. листов каждая, которые группировались в полтора десятка серий. Среди этих серий мы видим серию «*История возникновения и развития русского государства*» (книги этой серии должны были «дать доступный пониманию широких слоев народа очерк возникновения и развития политической, экономической и культурной жизни народа. Во всех случаях, где это будет признано необходимым, издательство намерено дать параллельные очерки государственного и культурного строительства западных государств»), серию «*История развития русской промышленности*» (состояла из биографий русских купцов и промышленников), серию «*Организация русской церкви и ее деятели*» (состояла из очерков по истории церкви, биографий русских церковников и отцов церкви Запада), серии «*Деятели культуры, творцы революции и социалистической мысли*», «*Люди революционного дела, вожди народа*», серии биографий других замечательных людей: художников и историков, филологов, педагогов и путешественников. Библиотеку «Жизнь мира» заключали три серии: «*Народное творчество*» (сборники песен, сказок, пословиц и поговорок), «*Книги для юношества*» (произведения С. М. Степянка-Кравчинского, И. С. Тургенева, Гюго, Джованьоли, Э. Войнич и др.) и «*Художественная литература*» (вся русская классическая и современная литература).

Однако это был еще только первый раздел проекта. За «Жизнью мира» следовали разделы: II — «*Человек и природа*» (задача его: «дать для одних ряд введений в науку и технических руководств, для других — сводку новейших знаний, приблизить к широкому читателю науку и ее деятелей, сделав их понятными и близкими»), III — «*Искусство*», IV — «*Детская литература*».

Универсализм этого издательства не знает себе равных в мировой издательской практике: нет буквально ни одной отрасли науки и техники, ни одной области общественной жизни, которой бы не предполагало заняться издательство, и при этом соблюдалась строгая дифференциация: от популярных брошюр до учебников и от учебников до капитальных монографий. Издательство брало на себя издание не только книг, но даже географических карт и наглядных пособий для школ и вузов.

Много писалось и пишется о грандиозности замысла «Всемирной литературы», но ведь это издательство только художественной литературы, в то время как Гржебин брал на себя обязательство издавать чуть ли не все, что написано человечеством. Вот почему Воровский с недоумением отнесся к этому плану и предложил Гржебину приложить свою энергию прежде всего к печатанию книг «Всемирной литературы».

Однако Гржебин совершенно устранился от дел «Всемирной литературы» и начал заключать договоры с различными государственными учреждениями и получать

авансы под несуществующие издания. Таких авансов ему удалось набрать на несколько миллионов рублей ³⁸.

В конце концов это обратило на себя внимание советских и партийных кругов. По поводу некоторых заказов Гржебину со стороны Отдела снабжения Петроградского Компроса бывшему члену коллегии Компроса З. Г. Гринбергу пришлось давать объяснения председателю Петроградского Совета. 25 августа 1919 г. Гринберг писал ему: «Считаю необходимым сообщить, что З. И. Гржебин действительно обратился ко мне и представил письмо тов. Луначарского о том, что издательством Гржебина намечается выпустить целый ряд изданий, в которых принимают участие выдающиеся ученые и писатели, что часть изданий уже разрешена Комиссариатом печати, пропаганды и агитации, что Государственное издательство <...> не ставит препятствий издательству, а потому предлагает Отделу снабжения <Компроса> выяснить, какие книги издательства Гржебина и в каком количестве потребны для школ, читален и библиотек.

При личном разговоре с Гржебиным речь шла о книге Н. Лескова „Запечатленный ангел“ с предисловием М. Горького, на которую обратил мое внимание Алексей Максимович, и двух книг Горького „Воспоминания о Толстом“ и „Сказки об Италии“. Я признал желательным приобретение этих книг и сделал надписи на копии письма тов. Луначарского: „Прошу заказать согласно отношения и выдать аванс в размере 50% наличия“ ³⁹. Разумеется, как объяснял далее Гринберг, никаких конкретных переговоров о субсидии издательству со стороны Компроса не велось и о сумме в полтора миллиона, якобы обещанных Гржебину, он слышит впервые.

В Госиздат тоже поступил какой-то запрос, возможно, из Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, так как в протоколе заседания Редколлегии Госиздата 27 августа 1919 г. сохранилась лаконичная запись: «Гос. издательство договора с издательством Гржебина не заключало и никого на заключение этого договора не уполномачивало» ⁴⁰.

В это время Гржебин начал выпускать в свет первые книги. Одной из таких книг оказалась книга Луначарского «Великий переворот», где впервые отдельным вкладным был напечатан план издания библиотеки «Жизнь мира». Вскоре после выхода этой книги на первой странице «Правды» 9 ноября 1919 г. появилась заметка «Странное недоразумение» за подписью «Коммунист-рабочий». Заметка начиналась словами: «Передо мной лежит каталог издательства З. И. Гржебина — издательства явно авантюристического». Автор заметки особенное внимание обратил на последнюю страницу каталога, где была напечатана программа серии «Летопись революции», извещавшая о предстоящем выходе в свет мемуаров «выдающихся деятелей революции»... Ф. Дана, М. Либера, Л. Мартова, А. Потресова и В. Чернова. Автор спрашивал Луначарского, книга которого открывала серию, «как он попал в эту почтенную теплую компанию» открытых врагов Советской власти и почему его книга должна была выйти у частного издателя, а не в Государственном издательстве. Тут же указывалось, что, выпустив эту книгу, Гржебин использовал имя популярнейшего партийного литератора в своих корыстных целях ⁴¹.

Горький вместе с членами редакционного совета издательства (В. Строевым-Десницким, А. Пинкевичем и З. Гржебиным) обратился в редакцию «Правды» с открытым письмом, в котором протестовал против заметки. Письмо было помещено в газете 2 декабря 1919 г. вместе с «Ответом издательству З. И. Гржебина», подписанным всеми членами редакционной коллегии «Правды». Заметим, что двое из них — Н. Бухарин и Н. Мещеряков — были также членами Редакционной коллегии Госиздата.

Горький заявлял, что, «назвав издательство З. И. Гржебина „авантюристическим“, автор письма грубо оскорбил нас, нижеподписавшихся. В письме содержалось требование сообщить имя автора заметки, чтобы привлечь его к суду за оскорбление.

В ответном письме редакция «Правды» спрашивала: «Зачем издательство ищет стрелочника? Мы, редакция, целиком отвечаем за нашего товарища и готовы держать сами ответ перед кем угодно, не прячась за спину отдельного лица, как пытается спрятаться храброе издательство за спиной всеми уважаемого тов. Горького». Далее в «Ответе» говорилось: «Как назвать издательство с гигантской, поистине рекламной программой, которое принимает „казак“ на *несуществующие* у него издания, а затем „платит“ „другими сочинениями“, лишь бы только покрыть полученный *под мертвые души*

23-го апреля 1920 г.

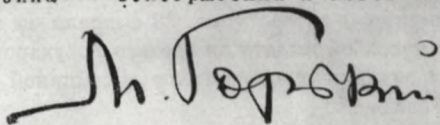
В СОВЕТ ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ.

ЗАЯВЛЕНИЕ М. ГОРЬКОГО.

Прошу Совет Оборонь рассмотреть в заседании 23-го апреля
вопрос о поездке за границу моих сотрудников:

По "Всемирной Литературе" А.Н.Тихонова и А.Э.Кавана.

По Издательству "З.И.Гржебина" - З.И.Гржебина и Б.Г.Скамони.

ЗАЯВЛЕНИЕ ГОРЬКОГО В СОВЕТ ТРУДА И ОБОРОНЫ 23 АПРЕЛЯ 1920 г.

аванс?» Приводились примеры и политического характера. Лидер правых эсеров Виктор Чернов находился по другую сторону фронта гражданской войны, был объявлен Советской властью «вне закона», а тут оказывается, что Гржебин имеет с ним связь! «По нашему мнению, — писала «Правда», — это — по меньшей мере авантюра политически-коммерческого спекулянта». Вслед за этим приводились другие факты, и «Ответ» заканчивался словами: «Нам только бесконечно жаль, что ловкость привычного „издателя“ г. Гржебина помогла ему запутать в это дело М. Горького».

В конце 1919 г. в издательстве велась работа главным образом по подготовке библиотеки русских классиков в ста томах. План этой библиотеки принадлежал А. А. Блоку.

В это время над типографией «Копейки» нависла серьезная угроза. В Москве и Петрограде тогда проходила концентрация полиграфического производства, укрупнение типографий. Часть рабочих-печатников полиграфической секции Петроградского совнархоза была из типографии переведена на другие предприятия. Протесты Горького, который опасался, что эта мера приведет к разрушению типографии издательства, действия не возымели. Тогда в конце января 1920 г. он обратился к Ленину с подробным письмом, в заключение которого писал: «Просьбу мою прошу рассмотреть не медля и дать мне ответ по телеграфу, ибо разрушение типографии уже начато и ведется весьма энергично»⁴².

На письме Горького Ленин наложил резолюцию: «Воровскому для срочного отзыва. Л е н и н». 31 января Воровский отвечает: «(<...> Такое же разрушение типографий продельвается и в Москве (<...> Необходимо решительно нажать на ВСНХ и „приказать“. Видимо, Ленин дал соответствующее указание, так как ВСНХ в тот же день послал полиграфической секции Петроградского совнархоза телеграфное распоряжение: «Никакого вмешательства в дела типографии без согласия Горького не производить, прекратить перевод рабочих и возвратить рабочих, взятых из типографии»⁴³.

10 января 1920 г. Воровским, с одной стороны, и Горьким и Гржебиным, с другой, был подписан первый договор Госиздата с издательством Гржебина, совершенно такой же, как десятки других договоров, ранее заключенных Госиздатом с другими частными и кооперативными издательствами. По этому договору Госиздат заказывал Гржебину 16 книг русских классиков (избранные произведения Пушкина, Лермонтова

ва, Гоголя, Достоевского, Некрасова и др.), 34 книги научно-популярного характера с иллюстрациями и 4 книги педагогической литературы ⁴⁴.

Все заказанные Гржебину издания должны были быть напечатаны за границей на заграничной бумаге, матрицы и клише допускалось изготовить в России. Гржебин обязывался сдать заказанные ему книги до 31 декабря 1920 г. и за это получал 20% комиссионных от продажной цены всего тиража.

Очевидно, решив использовать предстоящую командировку Гржебина с наибольшей пользой для Государственного издательства, Воровский 31 января подписал еще один договор (не с Гржебиным, а с Горьким, так как Гржебина в Москве уже не было), по которому Горький (подразумевался в действительности тот же Гржебин) обязывался приобрести в Финляндии и доставить в Петроград на склад Государственного издательства партию печатной бумаги на общую сумму 25 млн. рублей. Вся доставленная бумага должна была перейти в полное распоряжение Госиздата ⁴⁵.

Положительно был решен Воровским и вопрос о переносе за границу печатания книг «Всемирной литературы». 23 февраля он обратился к заместителю наркома финансов с просьбой выдать из средств Государственного издательства 10 млн. рублей думскими знаками представителю «Всемирной литературы», который готовился выехать в Ревель ⁴⁶.

С самого начала Воровский решил поставить деятельность издательства Гржебина под свой контроль, сузив его колоссальный размах до реальных потребностей и возможностей и тесно увязав его деятельность с деятельностью Государственного издательства. Вольшие сомнения у него вызывал и характер подготовки русских классиков в издательстве Гржебина. Поэтому Гржебину вменялось в обязанность издать именно тексты классиков, уже подготовленные и отредактированные в бывшем ЛИО Наркомпроса, но не вышедшие в свет из-за отсутствия типографских возможностей. Тексты эти находились в распоряжении заведующего Петроградским отделением Госиздата И. И. Ионова, но тот отказался их выдать, ссылаясь на то, что собирается издавать их сам.

Тогда Горький 3 апреля 1920 г. снова пишет Ленину, напоминая, что он уже рассказывал Владимиру Ильичу об организованном им и Гржебиным издании избранных произведений русских классиков XIX в. и что, несмотря на уже имевшуюся договоренность с Воровским, Ионов отказывается выдать Гржебину подготовленные к печати тексты ⁴⁷.

Возможно, после вмешательства Ленина 13 апреля Воровский дал категорическое предписание Ионову выдать издательству Гржебина все необходимые ему рукописи ⁴⁸.

Между тем Наркомат внешней торговли опротестовал решение Госиздата о перенесении печатания книг за границу, так как Госиздат не был правомочен решать подобного рода вопросы.

23 апреля 1920 г. этот вопрос был поставлен на заседании Совета Труда и Оборона, проходившем под председательством Ленина. На заседании были обсуждены предложения Горького и принципиальные возражения заместителя наркома внешней торговли Шейнмана ⁴⁹. Вопрос был достаточно серьезен, чтобы его решить сразу, поэтому СТО предложил рассмотреть его сначала и «в срочном порядке» в комиссии Совнаркома по внешней торговле.

Председателем этого заседания комиссии и основным докладчиком был назначен заведующий Госиздатом Воровский, и таким образом частный вопрос о разрешении двум издательствам («Всемирной литературы» и Гржебина) печатать свои издания за границей был поставлен на уровень государственной книгоиздательской политики.

Комиссия собралась 26 апреля с участием В. Р. Менжинского, представителей Наркомпроса, ВСНХ, Полиграфического отдела ВСНХ, Горького, Гржебина, Тихонова и других специально приглашенных лиц и приняла постановление: «1) Впредь до восстановления полиграфической промышленности и достаточного снабжения ее бумагой признать необходимым печатание за границей наиболее важных для страны изданий; 2) Просить Совет Народных Комиссаров забронировать некоторый фонд для оплаты расходов по печатанию книг за границей; 3) Предварительное определение размеров вышеуказанного фонда Наркомвнешторг представляет на усмотрение Председателя

СНК; 4) На сумму, соответствующую вышеуказанному фонду, Наркомвнешторг открывает Государственному издательству кредит (...) 6) На предмет выяснения возможности печатания изданий за границей разрешить выезд за границу Гржебину и Тихонову.

Уже на следующий день, 27 апреля, Совнарком под председательством Ленина утвердил это решение комиссии и определил кредит, открываемый Наркомвнешторгом Госиздату, в размере 50 тыс. фунтов стерлингов⁵⁰.

В реализации этого постановления встретились новые трудности, так как у государства не хватало валютных запасов. Наркомвнешторг, например, отказался поддерживать просьбу Горького о командировке за границу вслед за Гржебиным и Тихоновым также типографских техников, считая вообще задачу печатания книг за границей неосуществимой. «Даже буквари, — телеграфировал Л. Б. Красин Горькому 10 мая 1920 г., — мы едва ли будем в состоянии печатать за границей, по отсутствию средств вынуждены отказывать лазаретам и детским приютам в отпуске сгущенного молока и лекарств. Убедительно советую поставить крест над неосуществимым в ближайшее время планом заграничных заказов»⁵¹.

Вскоре к скептицизму наркома внешней торговли присоединились дополнительные обстоятельства.

Поскольку в постановлении Совнаркома речь шла об издании за границей только «наиболее важных для страны изданий», то когда Госиздат решил перевести за границу деньги Гржебину и Тихонову, Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, основываясь на этом решении, задержал чек Госиздата.

13 мая 1920 г. Малый Совнарком, заслушав доклад Воровского, решил снять запретительный гриф Наркомата РКИ, но после протеста замнаркома РКП В. А. Аванесова, допустившего перевод денег для «Всемирной литературы», бывшей автономным отделом Госиздата, но категорически возражавшего против выдачи валюты частному издательству Гржебина, Совнарком снова вернулся к этому вопросу⁵².

24 мая Малый Совнарком постановил: «Предложить НК РКИ выяснить целесообразность исполнения договора Госиздата с Гржебиным, проверить, в какой мере исполнен договор со стороны Государственного издательства и Гржебина, и в зависимости от этого принять те или иные меры»⁵³.

Горький не остался безучастным свидетелем этого спора между Госиздатом и НК РКИ. Как это видно из письма Гржебина в Госиздат 3 июня 1920 г., «издательство через главного своего редактора М. Горького еще в апреле месяце с. г. предложило Председателю Совета Народных Комиссаров тов. Ленину и члену коллегии Рабоче-крестьянской инспекции тов. Аванесову произвести ревизию дел издательства»⁵⁴.

26 июня 1920 г. Горький пишет Ленину о том, что среди отправляемых им за границу для издания рукописей, намеченных для печатания, имеются мемуары Чернова и Мартова, которые Наркоминдел может не пропустить. К письму он приложил свой отзыв, в котором одобрительно говорил об автобиографии Мартова, а относительно рукописи Чернова указывал, что она, «хотя и рисует его отчаянным болтуном и хвастуном», но содержит ряд ценных фактов⁵⁵.

Ленин направил письмо Горького и рукописи заместителю наркома иностранных дел Л. М. Карахану, попросив его показать рукописи перед отсылкой их за границу сведущим людям⁵⁶.

Разрешение этого частного вопроса, должно быть, воодушевило Горького, так как 17 июля в письме к Ленину и в приложенных к письму двух заявлениях в Совнарком он снова поднимает вопрос о финансировании на этот раз уже обоих издательств — «Всемирной литературы» и Гржебина⁵⁷. Первому издательству он просит выдать 10 миллионов думскими знаками для организации печатания книг в Германии, а издательству Гржебина — 10 миллионов рублей для оплаты специалистов в Петрограде, привлеченных им к работе издательства.

В этом письме Горький писал о «миллионах хороших книг», которые в случае выполнения его просьбы появятся «через три месяца», просил не разрушать «из-за пустяков» «два дела, которыми через три-четыре месяца Советская власть получит возможность хвастаться».

Ленин обратил внимание на содержащееся в письме Горького указание, что переведенные в Ревель 50 тыс. фунтов лежат там мертвым грузом, так как Государственному издательству, для которого предназначались эти деньги, по словам Горького, «печатать за границей — нечего». Выходило, таким образом, что немалая сумма денег в валюте, выделенная правительством для печатания за границей «наиболее важных для страны изданий», Государственным издательством не использовалась по назначению⁵⁸.

Подлинное письмо Горького и два его заявления в Малый Совнарком по распоряжению Ленина были пересланы в Госиздат.

Письмо Ленину было впервые опубликовано в 1958 г., что касается двух заявлений Горького, то они не напечатаны, а краткая аннотация этих документов в «Историческом архиве» неточно передает их содержание.

В первом из указанных документов Горький просил отменить постановление Малого Совнаркома от 24 мая, опротестовавшего выдачу издательству Гржебина 10 миллионов рублей советскими знаками. Деньги эти нужны были для платы сотрудникам «по организации издания научных и технических книг, крайне необходимых». Горький указывал, что принятое постановление «разрушает вполне налаженное дело печатания книг за границей», и просил Совнарком отменить прежнее решение и выдать 10 млн. за выездом Гржебина в Германию М. Горькому, как главному редактору и организатору книгоиздательства З. Гржебина⁵⁹.

На документе имеется надпись секретаря Ленина Л. А. Фотиевой: «Когда идет в М(алом) С(овнаркоме)?» — и чей-то ответ: «Рассматриваться вопрос будет в субботу 7/VIII—20 г.».

Во втором заявлении Горького содержится просьба отменить решение Малого Совнаркома, запретившее выдачу «Всемирной литературе» 10 млн. рублей думскими знаками для печатания книг за границей. «Этим решением, — писал Горький, — мотивы которого заведующему названным издательством не сообщены, ликвидируется предприятие, заготовившее к печати свыше 6 тысяч листов избранных сочинений европейской литературы XIX в. Это решение бесплодно уничтожает несколько десятков миллионов советских денег, затраченных на организацию издательства и на оплату сотен рукописей, которых невозможно печатать в Республике Советской по неимению бумаги. Решение это лишает работы десятки литераторов и несколько сотен переводчиков»⁶⁰. Указанную сумму он просил выдать из денег, выделенных постановлением Совнаркома 26 апреля 1920 г. Государственному издательству, «которое не может использовать эти деньги на издание за границей политической литературы и не издает там вообще никаких книг».

Как раз в это время, в июле 1920 г., Воровский тяжело заболел, и этим вопросом вновь стал заниматься Луначарский. Из протокола Малого Совета Народных Комиссаров от 29 июля видно, что он выступил докладчиком по жалобам Горького. Дело о финансировании горьковских издательств в связи с какими-то возникшими вопросами было снова отложено⁶¹.

Еще в присутствии Воровского, в конце июня 1920 г., перед Центральным Комитетом партии был поставлен вопрос о реорганизации управления Госиздатом в связи с предстоящим переходом Воровского на дипломатическую работу. ЦК РКП(б) принял проект Редколлегий Госиздата о разграничении редакционных и административно-технических функций в Госиздате, ранее выполнявшихся одним Воровским. Заведующим административно-техническим аппаратом издательства Политбюро ЦК утвердило С. М. Закса-Гладнева⁶².

Закс-Гладнев, старый издательский работник, хорошо знал Гржебина как ловкого предпринимателя, ему приходилось работать с Гржебиным еще до революции в издательстве «Шиповник», сталкивался он с ним и в то время, когда являлся заведующим техническим аппаратом «Правды» (1917 г.), а Гржебин занимался распределением уже тогда дефицитной бумаги между газетами социалистического направления.

С первых же шагов своей деятельности Закс-Гладнев занял твердую позицию по отношению к издательству Гржебина. Именно поэтому вопрос об издательстве Гржебина на продолжительное время стал в центре внимания партийных и советских органов, в то время как «Всемирная литература» в последующей переписке почти не упоминается.

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«ОСВОБОЖДЕННЫЙ ДОН-
КИХОТ» (1922 г.) С ДАРСТВЕН-
НОЙ НАДПИСЬЮ
Н. К. КРУПСКОЙ

«Дорогой
Над(ежде) Конст(антинове)
Крупской автор. 4/1»

Дорогой Над. Конст. Крупской
автор.
4/1 А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ДОН КИХОТ

МОСКВА
Государственное Издательство
МСМХИ

Уже 5 августа 1920 г. Редакционная коллегия Госиздата (М. Н. Покровский, Е. А. Преображенский, Н. Л. Мещеряков и С. М. Закс), обсудив вопрос «О заявлении М. Горького в Малый Совнарком», единогласно постановила: «Ссылаясь на свое прежде принятое решение о З. Гржебине и М. Горьком, Коллегия постановляет: ходатайство М. Горького за З. Гржебина не удовлетворять. От „Всемирной литературы“ затребовать отчеты»⁶³.

Такая справка о книгах, изданных «Всемирной литературой» до 20 августа 1920 г., была представлена в Госиздат за подписью Горького 21 августа⁶⁴. Из нее видно, что за два года издательство выпустило в свет 13 книг основного издания (каждая тиражом 10—13 тыс. экз.), 2 каталога, 2 сборника статей и 36 брошюр народной библиотеки (каждая тиражом 20 тыс. экз.).

2 сентября 1920 г. Редколлегия Госиздата, решив проверить выполнение Гржебиным договора, заключенного им с Воровским, затребовала от него представления не перечня книг, а рукописей, подготовленных им к набору⁶⁵. При подготовке этого решения, очевидно, был учтен опыт предыдущей деятельности Гржебина, который набирал заказы и получал авансы под несуществующие издания.

Редколлегия при этом не учла, что Гржебин был за границей и за дела издательства отвечал лично Горький. Горького не могло не задеть это требование, и уже 9 сентября Редколлегия Госиздата с участием представителей всех отделов издательства снова вернулась к рассмотрению вопроса о Гржебине. По докладу Закса было принято развернутое постановление, в котором между прочим говорилось: «Если мы вынуждены терпеть до времени кустарные попытки со стороны отдельных лиц, то кустарные попытки издания книг за счет государства ни в каком случае не могут быть терпимы. В противном случае лучше просто ликвидировать Центральный издательский аппарат и обратиться к старому способу предоставления инициативы отдельным учреждениям и отдельным лицам с субсидией от государства»⁶⁶.

Заметим, что в это время еще не было известно о практической деятельности Гржебина за границей. Речь шла о том, что Редколлегия Госиздата до сих пор не видела

ни одной рукописи, которые Гржебин собирался печатать за границей на деньги того же Госиздата.

На следующий день, 10 сентября, в Госиздат из Петрограда пришло письмо заведующего Севцентропечатью А. М. Гертника, в котором тот подробно писал об истории издательства Гржебина с весны 1919 г. и заключал: «Гора родила мышь. Из сотен книг, намеченных в программе, и десятков книг, на которые приняты заказы и получены задатки, выпущено в свет свыше чем за полтора года 5 или в лучшем случае 9 названий, из них новых только 4, а остальные — перепечатки. Вся издательская деятельность Гржебина характеризуется следующим: скупка почти всех русских писателей, в том числе кое-кого из коммунистических, и, по слухам, за бесценок; разработал большую программу и разрекламировал свою деятельность, получил громадные заказы и громадные авансы и выжидал благоприятного времени, когда он сможет появиться на книжном рынке полным монополистом, а пока, чтобы была видимость деятельности, выпускает время от времени никому не нужные брошюрки» ⁶⁷.

Тем временем Горький приехал в Москву и добился созыва специальной комиссии ЦК РКП(б) для рассмотрения вопроса о дальнейшей судьбе издательства Гржебина, ведь вопрос о переводе в Петроград 10 миллионов рублей для платы сотрудникам издательства так и не был решен.

Обстоятельства работы этой комиссии (руководителем ее был назначен председатель ВСНХ А. И. Рыков) нам неизвестны. В состав этой комиссии входили Луначарский, заместитель наркома внешней торговли А. М. Лежава и член Редколлегии Госиздата Е. А. Преображенский. Комиссия собиралась несколько раз и приняла несколько решений по издательству Гржебина. 15 сентября Комиссия решила «для обеспечения дальнейшего печатания рукописей», уже сданных Гржебиным в Германии в печать, отпустить ему до 500 тысяч марок. «Книгоиздательство Гржебина, — как записано в решении Комиссии, — пользуется этими деньгами как на территории Германии, так переводит их и в другие страны по представлении соответствующих договоров и счетов» ⁶⁸.

Материалов самой Комиссии ЦК РКП(б) нам найти не удалось, но некоторое представление о ее работе можно получить из следующего письма Луначарского Рыкову 18 сентября 1920 г.:

«Дорогой товарищ,

Только что вернулся от Горького и, таким образом, могу одновременно послать Вам два дела в одном пакете. Прошу Вас прочесть внимательно возражения Горького на некоторые из принятых в совещании возражений <так в тексте. — Л. Х.>. Часть их по пункту первому отпадают сами собой, так как практически их провести сейчас нельзя, притом же, просмотрев еще раз список отправленных за границу рукописей, я нахожу, что хотя там и есть небольшое количество вещей относительно не особенно полезных (но и не вредных), но в большинстве это все-таки очень хорошие и нужные книги.

Что касается пункта второго, то это скорей не возражение, а разъяснение. Самым важным является замечание на пункт 5 с примечанием. Я думаю, что здесь следует пойти навстречу желаниям Горького, то есть, во-первых, распорядиться, чтобы Государственное издательство все расходы по оплате гонораров отпускаяло не по точно предъявляемым счетам (потому что в этом есть доля какого-то недоверия к Горькому, между тем как 5 миллионов уже были истрачены и все счета были им представлены), а путем авансов.

Если цифра 10 миллионов советскими деньгами, на которой настаивает Горький, кажется Вам большой, распорядитесь, чтобы выдали 5—6 миллионов, а через несколько времени и остальные. Ведь в самом же деле, не растратит Горький этих денег, между тем это предварительное предъявление счетов из Петрограда в Москву его до крайности обижает. Так же точно думается мне, что передача всех приобретенных Гржебиным рукописей в фонд Государственного издательства преждевременна. В конце концов, они все хранятся под ответственностью Горького, и когда у нас будет достаточно сильный аппарат, чтобы взять Гржебина, рукописи, естественно, перейдут к нам.

6-й пункт также является разъяснением и, думается мне, вполне приемлем. 7-й пункт — тем более.

Итак, фактически дело идет о том, чтобы отпустить сейчас же Горькому 5—6 млн. рублей и <не> настаивать на передаче всех рукописей, за исключением печатаемых, непосредственно в фонд Государственного издательства. Горький так огорчен, что его большая культурная работа (а он-таки делает большую культурную работу в Петрограде) встречает массу придирок и препятствий. Ему, несомненно, надо развязать руки, не Гржебину, а ему. Гржебина мы достаточно связали всякого рода контролем. Надеюсь, что Вы станете на ту же точку зрения. Лежава возражать не будет. С этими сравнительно небольшими поправками договор может быть утвержден.

Прошу Вас по выяснении осведомить Горького о Вашем решении.

Пару слов по-человечески. Горького я застал ужасно расстроенным. Когда он рассказывал мне о том, каким придиркам подвергался организованный им, превосходный и вызывавший восторг всех делегатов Конгресса Коминтерна Дом Науки, то он даже чуть-чуть не расплакался и заявил мне, что в случае дальнейших придирок он просто бросит все и уйдет в какой-нибудь угол. К чему все эти мелкие придирки? Мне хотелось бы оказывать Горькому более реальную помощь, чем до сих пор, но я убеждался, что даже сочувствие Владимира Ильича к его предприятиям не освобождает его от неприятностей. Надо в этом отношении принять какое-то твердое решение и сделать какое-то распоряжение. Пусть в этой области, совершенно невинной политически области, области подкармливания ученых, использования их силы в аполитичной культурной области Горький заработает до некоторой степени карт-бланш. Худа от этого никому не будет.

Это я пишу просто как мое глубокое убеждение»⁶⁹.

Луначарский считал, что нужно дать Горькому возможность проявить себя в культурно-издательской работе, воодушевлявшей тогда Горького, не уничтожать издательство Гржебина, а поставить его под строгий контроль опять-таки ради Горького.

Следует думать, что отношение Луначарского определило собой все решения Комиссии, а последние, в свою очередь, не могли не интересовать Ленина.

22 сентября 1920 г. Комиссия ЦК РКП(б) писала Заксу: «Комиссия Центрального Комитета партии предлагает Вам немедленно выдать М. Горькому шесть миллионов рублей для работ по исполнению договора между Воровским и Гржебиным.

Комиссия постановила отложить все вопросы об исполнении пересмотра договора до приезда Гржебина из-за границы, для ускорения которого она принимает соответствующие меры. Комиссия предлагает тов. Заксу до рассмотрения вопроса книгоиздательства Гржебина Комиссией ни в коем случае не осложнять и не затруднять работу тов. Горькому в Петрограде и за границей по книгоиздательству и поэтому требует с его стороны внимательного и бережного отношения к этому делу»⁷⁰.

В конце сентября 1920 г. на третьей сессии ВЦИК 7-го созыва обсуждался первый отчет Наркомпроса за время с октября 1917 г. В своем докладе (вечером 26 сентября) Луначарский не обошел молчанием крайне трудное положение издательского дела в стране и как на очень большое достижение указывал на то, что, несмотря на огромные трудности, все же удалось напечатать 6 миллионов букварей.

На утреннем заседании 27 сентября содокладчик от Комиссии Президиума ВЦИК по обследованию Наркомпроса В. И. Невский подверг резкой критике издательскую политику Наркомпроса. Указывая, что в стране образовался огромный дефицит на учебники, он предлагал прекратить издание литературы по всем отраслям искусства и бросить все средства на издание учебников. В своем выступлении Невский упрекнул Наркомпрос за затянувшуюся возню с издательством Гржебина, которое, по его словам, давно следовало закрыть, как издательство идеологически чуждое. Присутствовавший на этом заседании Ленин кратко отметил это в своей записи «М(ежду) пр(очим)»:

„уничтожить изд(ательств)во Гржебина, контрреволюционное“»⁷¹.

По-видимому, это серьезное обвинение запомнил также Закс (или ему об этом доложили работники Госиздата), и через несколько дней, когда Горький приехал в

Госиздат за деньгами для издательства Гржебина, между ними в присутствии председателя Редколлегии Госиздата Н. Л. Мещерякова произошел резкий разговор. Закс, не обладавший мягкостью Воровского или Луначарского, бестактно начал обличать Горького в покровительстве жулику.

Как позднее Заксу пришлось писать в извинительном письме к Горькому, «товарищи из Центрального Комитета нашей партии, которые заинтересовались происшедшим между нами инцидентом, доказали мне, что, стоя на государственном посту и ведя с Вами разговор *официальный*, я не имел права давать волю моим чувствам и высказывать *субъективную* оценку известных обстоятельств» ⁷².

Позиция «товарищей из Центрального Комитета партии» соответствовала, очевидно, точке зрения Владимира Ильича, нетерпимо относившегося к любому проявлению неуважительного отношения к личности посетителя. Тем более — речь шла о Горьком.

Через три месяца Закс в письме к Н. М. Федоровскому так писал об этом: «Жизнь Госиздата протекает все время чрезвычайно бурно. Главным образом приходится вести борьбу с знаменитой „частной инициативой“ в лице таких фруктов, как З. И. Гржебин <...> У меня лично на этой почве вышел острый конфликт сначала с Горьким, а потом и с Ильичем» ⁷³.

Нет также сомнения, что именно Ленин на заседании Политбюро 6 октября, ознакомившись с докладом комиссии «по делу о столкновении т. Горького с т. Заксом», предложил столь характерную для него резолюцию: «Поручить Оргбюро назначить вместо т. Закса коммуниста заведующим и помощником его крупного спеца» ⁷⁴.

Однако подыскать нового заведующего Госиздатом было очень трудно: еще продолжалась гражданская война, каждый коммунист-организатор был на счету.

Хотя Оргбюро перевело Закса на торговую работу за границей (в Германии), ему опять пришлось заняться делами Государственного издательства, так как в ЦК РКП(б) не нашли другого кандидата на пост заведующего заграничным отделением Госиздата, организуемым для печатания за границей книг издательства.

Пока решался вопрос о Заксе (временно его заменил Д. Л. Вейс), Горький принимал все меры к тому, чтобы реабилитировать в глазах Ленина издательство Гржебина. По-видимому, в одно из своих свиданий с Лениным в конце октября 1920 г. он представил справку о двух договорах, заключенных Заксом с контрагентами Госиздата за границей: И. С. Ремизовым, постоянно жившим в Швейцарии, и А. М. Бродским, руководителем московского кооперативного издательства «Творчество», по командировке не то Госиздата, не то Наркомвнешторга выехавшим в Швецию ⁷⁵.

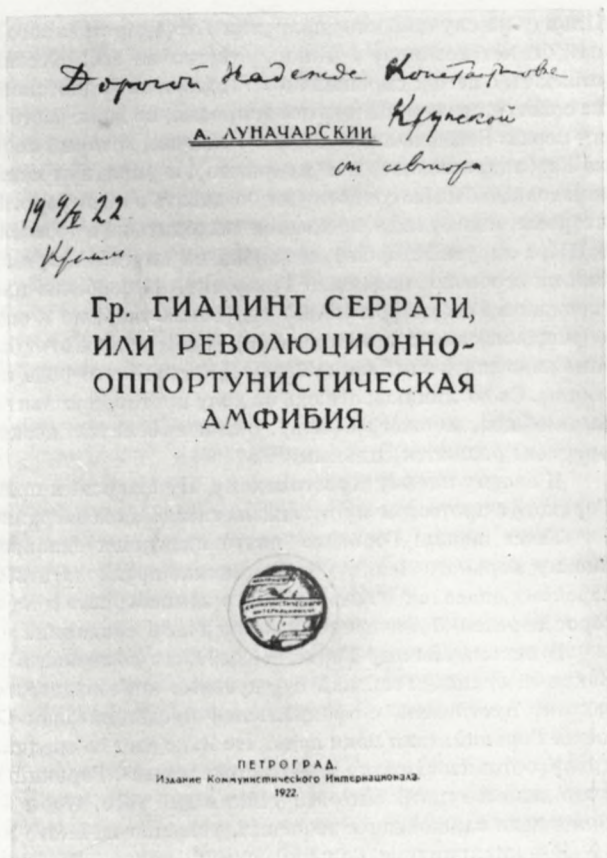
Сведения о заказанных Госиздатом книгах были представлены ориентировочно и, возможно, не подтвердились (в архиве Госиздата этих двух договоров нам обнаружить не удалось), но Ленин, ознакомившись с ними, 21 октября 1920 г. переслал справку Горького в Госиздат со своим отзывом о некоторых изданиях, заказанных за границей ⁷⁶. Здесь он писал, что из двух научно-популярных книг, печатавшихся Ремизовым, — «Жизнь насекомых» Ж. Фабра и «Чудеса земного шара» Г. Клейна — первая книга — «кустарничество», а книга Клейна — «хорошая книга, надо больше» (печаталось 20 тыс. экз.).

Ленин в справке Горького обратил внимание на то, что в отличие от Ремизова, расчеты с которым должны были производиться швейцарскими франками (160 тыс. франков), Бродскому были заказаны биографии музыкантов и художников, а также разрезной букварь на общую сумму в 1 200 000 золотых рублей. Ленин подчеркнул слова «золотых рублей» и написал внизу: «Никому не нужное и несвоевременное предприятие».

Когда Горький узнал, что Закс, смещенный с поста заведующего Госиздатом, тем не менее собирается за границу от Государственного издательства, он был встревожен.

Как видно из письма Луначарского Ленину, датируемого концом октября, Горький немедленно приехал к наркому и «с ужасом» сообщил, что «Закс (известный гржебиноед) назначен книжным диктатором за границу» и что, по словам Горького, «он, конечно, гржебинское дело разрушит» ⁷⁷.

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«Гр. ГИАЦИНТ СЕРРАТИ, ИЛИ
РЕВОЛЮЦИОННО-ОППОР-
ТУНИСТИЧЕСКАЯ АМФИ-
БИЯ» С ДАРСТВЕННОЙ НАД-
ПИСЬЮ Н. К. КРУПСКОЙ:
«Дорогой Надежде Константи-
новне Крупской от автора 9/V
1922 г. Кремль»

Сообщение Горького застало Луначарского врасплох, и он с обидой в том же письме писал Ленину, что только «стороной, чуть ли не от обывателей» он узнает о решениях Центрального Комитета, относящихся к деятельности Госиздата: о назначении Закса за границу, о кандидатуре К. С. Еремеева, выдвигаемого на его место. «Либо заберите у меня Госиздат, — писал Луначарский, — либо принимайте от него решения, хотя бы с моего ведома! Тов. Крестинскому я об этом говорил. Он обещает, а дело идет по-старому».

Ленин очень внимательно ознакомился с этим письмом, сделав на нем ряд пометок ⁷⁸. Прежде всего он двумя чертами подчеркнул слова Луначарского о том, что Закс «назначен книжным диктатором» и что Луначарский ответствен за дела Госиздата, утвердительно отметив на полях «конечно».

По поводу критики Луначарским аппарата ЦК, который не информировал его о состоявшихся по Госиздату решениях, Ленин выразил свое мнение в подчеркиваниях и приписке: «Право *всякого* Наркома иметь доклад и в *О р г.* — и *П о л и т б ю р о*. И *о б я з а т ь*. Вы виноваты, что *з е в а е т е*».

Тут же Ленин сделал практическое предложение Луначарскому договориться с Н. Н. Крестинским и внести проект соответствующей резолюции в Политбюро ЦК.

1 ноября 1920 г. Луначарский обратился с большим письмом к секретарю ЦК Крестинскому, в котором между прочим писал:

«Мне очень не по вкусу, что я узнаю частным образом о разных мероприятиях в области Государственного издательства: назначение Закса за границу, которое бесконечно взволновало Горького, предполагаемое назначение Еремеева в Гос(ударствен-ное) изд(ательство). Горький, который принимает все это близко к сердцу, жаловался

Ильичу на случайность политики Гос<ударственного> изд<ательства> и на то, что там как бы нет хозяина, а Ильич ответил на это: „Хозяин там Луначарский, он за все отвечает, с него и спрашивайте“. Положение идиотское, ибо на самом деле ЦК не только не советуется со мной по этим вопросам, но даже часто не извещает меня о принимаемых им мерах. Беседовал я об этом с Ильичем, который подтвердил, что я целиком ответствен за Гос<ударственное> изд<ательство>, и упрекнул меня в том, что я „зеваю“ в то время, как должен был бы соответственно давить на Оргбюро. Все это очень неприятно. С одной стороны, мне отнюдь не хочется выходить из естественной субординации по отношению к ЦК, а с другой стороны, создавшаяся ситуация прямо невыносима. Я не имею претензий ни особенно защищать Гржебина, ни особенно настаивать на том или другом назначении в Гос<ударственное> изд<ательство>, но я еще раз просил бы вас (я уже раз обращался к вам с этой просьбой), чтобы вопрос этот был обсужден в моем присутствии. Мне надо знать самые аргументы ЦК для такого рода назначения и твердо выяснить его линию. Свою линию я отнюдь не хочу противопоставить ЦК, но я хочу, чтобы эта линия была общей, м<ожет> б<ыть>, она и изменится несколько, если тот или другой мой аргумент окажется сильным»⁷⁹.

К своему письму Крестинскому Луначарский приложил адресованное ему письмо Горького с протестом против назначения Закса заграничным представителем Госиздата.

Текст письма Горького почти идентичен одновременно написанному такому же письму Горького Ленину⁸⁰. Как можно предполагать, Горький перед поездкой к Луначарскому опасался не застать его в комиссариате и на этот случай написал письмо, которое передал Луначарскому при личном свидании.

В письме Ленину Горький выражал сомнение в целесообразности командировки Закса за границу, так как буржуазные книгоиздательские фирмы, по его мнению, не захотят иметь дела с официальным представителем Советской власти, поэтому, как писал Горький, «для меня ясно, что Закс едет со специальной целью подорвать доверие к делу, организованному мною и Гржебиным». Горький просил Ленина лично вмешаться в это дело и «употребить все усилия для того, чтобы Гржебину не мешали довести до конца дела важнейшего значения, успешно начатого им».

В постскриптуме Горький ставил вопрос уже принципиально: «Мне совершенно необходимо знать, как относится Российское Издательство к дальнейшему существованию дела, организованного мною и осуществленного Гржебиным».

Как мы видим, в письме речь шла только о Гржебине, а ведь одновременно с ним за границу выехал и А. Н. Тихонов. Это объяснялось как тем обстоятельством, что Тихонов в начале октября 1920 г. (побывав в Эстонии, Швеции и Англии) уже вернулся в Россию, так и тем, что в отличие от Гржебина Тихонов имел в виду не столько узкие интересы своего издательства, сколько интересы советского книжного дела вообще. Так, 20 октября 1920 г. он докладывал Госиздату: «Можно категорически утверждать, что в настоящее время имеется полная возможность, вне прямой зависимости от политических отношений европейских государств и Советской России, поставить за границей печатание русских книг культурно-просветительного содержания в любом объеме. Наиболее надежным и удобным местом для этого является Швеция, наиболее дешевым — Чехословакия и Эстония»⁸¹.

Гржебин, наоборот, 2 ноября 1920 г. писал Горькому, что Заксу за границей делать нечего, так как буржуазные издатели не захотят иметь дело с коммунистом⁸². Интересно, что это письмо Горький передал председателю Комиссии ЦК по делам горьковских издательств Рыкову, тот распорядился переслать его Ленину, а Ленин, в свою очередь, передал его Луначарскому⁸³.

Немного ранее, 1 ноября 1920 г., Ленин переслал или передал на каком-то заседании полученное им письмо Горького Е. А. Преображенскому, члену Центрального Комитета партии, по решению Политбюро от 30 июня 1920 г. введенному в состав Редакционной коллегии Государственного издательства. В небольшой записочке, приложенной к горьковскому письму, Владимир Ильич просил Преображенского вернуть ему это письмо с «парой слов» о его содержании. Здесь же Ленин спрашивал: «Неужели правда, что Закса пустили *от* Гос<ударственного> Изд<ательства>?? Ведь он действительно *со р е в е т* все»⁸⁴.

Преображенский в тот же день прислал Ленину свое разъяснение: «I) В ЦК мы решили организовать собственное издательство за границей. Поскольку Закс едет за границу независимо от этого решения, все возражения против личности Закса ни в какой мере не могут колебать принятого вполне целесообразного решения. Спросите Горького, возражает ли он против самой идеи собственного отделения Госиздата за границей. Если возражает, то выводы ясны. II) Мы не предполагаем ликвидировать сразу уже начатой работы Гржебина, а хотим сделать излишним частное издательство, раз будем иметь свое. При своем издательстве будем выпускать книги профессионально-технического характера, естественнонаучные и медицинские. III) Закс вполне годен для заграничного отделения. В крайнем случае ему можно дать инструкцию не входить в непосредственные сношения с Гржебиным, ограничив его ролью наблюдателя и информатора нас о работе первого. Его прямые обязанности и главные будут заключаться в постановке собственного нашего издательства»⁸⁵. Все подчеркивания в тексте сделаны Лениным.

Тут же Ленин кратко подытожил состоявшийся обмен мнениями: «Итак, пришлите *сию инструкцию* (никакого касательства к Гржебину, *не мешать* ему и пр. и пр.). Пришлите *текст инструкции*. Ленин»⁸⁶.

На заседании Редколлегии Госиздата 4 ноября 1920 г. (Преображенский, Покровский и Закс) Преображенский, сообщив собравшимся мнение Ленина, предложил Заксу самому написать инструкцию о деятельности отделения Госиздата за границей и после утверждения Редколлегией представить ее в ЦК РКП(б)⁸⁷.

В тот же день Коллегия Наркомпроса под председательством Луначарского постановила «командировать за границу Закса-Гладнева для объединения всех делавшихся до сих пор попыток Государственного издательства и прочих советских учреждений по печатанию за границей книг для РСФСР»⁸⁸. Таким образом, Луначарский согласился с кандидатурой Закса.

19 ноября, через две недели после того, как инструкция Заксу была рассмотрена и утверждена ЦК (возможно, что Ленин тоже с ней ознакомился), Заксу был выдан пространный мандат за подписью Луначарского, согласно которому он был командирован за границу со специальным поручением «организовать Центральное заграничное отделение Государственного издательства РСФСР для издания и для покупки за границей книг для нужд РСФСР»⁸⁹.

Далее перечислялись права и обязанности Закса — своеобразная инструкция, нормировавшая его деятельность. По этой инструкции все ранее командированные за границу различными ведомствами лица обязаны были подчиняться Заксу. Рукописи для издания Закс должен был получать только по спискам, утвержденным Редакционной коллегией Госиздата, причем непосредственной задачей Заграничного отделения Госиздата должно было быть печатание уже готовых рукописей: а) учебно-научной и учебно-технической литературы — по планам и заданиям соответствующих отделов Наркомпроса (Научный, Главпрофобр, Главсоцвос и др.); б) научно-технической литературы по заданиям Научно-технического отдела ВСНХ; в) педагогической, детской, научно-популярной, художественной и т. п. литературы — по планам соответствующих учреждений Наркомпроса.

Для нас интересен пункт 7 этой инструкции: «По отношению к издательству Гржебина — Горького С. М. Закс обязан руководствоваться положением, выработанным Комиссией тов. А. И. Рыкова 15 сентября 1920 г.».

Пока Закс собирался в дорогу, Горький обратился к Рыкову с письмом, в котором напоминал ему о решении Комиссии от 15 сентября 1920 г. и о том, что фактические расходы издательства Гржебина уже превысили выделенную ему ранее сумму в 500 тысяч германских марок, причем даже и эти деньги Гржебиным еще не получены.

15 ноября 1920 г. Рыков отправил в четыре адреса — Ленину, Луначарскому, Лежаве и Преображенскому — телефонограмму, в которой сообщал: «Считаю необходимым какой-нибудь сумме финансировать тов. Гржебина. Отпустить ему немедленно 500 тысяч марок, согласно первоначального предположения, и поставить вопрос, разрешив его в кратчайший срок, об увеличении указанной суммы до трех миллионов марок или соответственно уменьшить»⁹⁰.

Луначарский эту телефонограмму передал члену Редколлегии Госиздата М. Н. Покровскому, который на следующий день, 16 ноября, на очередном заседании Редакционной «тройки» Госиздата (Покровский, Преображенский и Скворцов-Степанов) доложил ее содержание. Тут же было принято решение: «Вопрос о трех миллионах марок передать на ближайшее заседание Политбюро ЦК РКП. Доклад об этом в Политбюро поручить сделать тов. Покровскому»⁹¹.

Однако до Политбюро этот вопрос не дошел. Можно думать, что Ленин после разговора с Покровским предложил Луначарскому принципиально решить вопрос о дальнейшей работе издательства «Всемирная литература» и Гржебина. Ведь валютные возможности государства были крайне ограничены, ранее выделенные 50 тысяч фунтов стерлингов были, очевидно, израсходованы на другие, более насущные нужды государства. А между тем только что образовавшемуся Заграничному отделению Госиздата тоже нужна была валюта, и немалая.

23 ноября 1920 г. Луначарский вызвал к себе Д. Л. Вейса, временно исполнявшего обязанности заведующего Госиздатом, и после подробного доклада об отношении Госиздата к «Всемирной литературе» (в целом благоприятного) тут же продиктовал письмо Горькому⁹².

В этом письме Луначарский указывал, что изложенная ему точка зрения Госиздата, по его мнению, должна быть приемлема и для Горького, тут же оговариваясь, что, не зная мнения Горького, он воздерживается от принятия окончательного решения. Госиздат же предлагал, сохранив автономию редакционного аппарата «Всемирной литературы» (с обязательным утверждением заключаемых договоров в Редколлегии Госиздата), влить технический аппарат издательства в Петроградское отделение Госиздата. Тем самым горьковское издательство становилось одним из отделов Государственного издательства.

Однако Горький (в письме к Луначарскому 13 декабря 1920 г.) не согласился с этим предложением, требуя для своего издательства особого положения⁹³. Это его письмо, как и его обращение к VIII Всероссийскому съезду Советов (22 декабря 1920 г.)⁹⁴, требовало предоставления более широкого поля деятельности для частных и кооперативных издательств.

И. И. Скворцов-Степанов в двух своих статьях — «Государственное издательство, частные фирмы и подрядные предприятия»⁹⁵ и «Государственное издательство и ведомства, художественная литература и совмещенаты»⁹⁶, — написанных в то же время, резко критиковал работу горьковских издательств за выпуск несвоевременных изданий («Неужели издатели серьезно думают, что современный русский рабочий ни в чем так не нуждается, как в „Милом друге“ или „Сильна, как смерть“ Мопассана»⁹⁷) и за состав его редакционных коллегий («люди, которые живут в прошлом и прошлом»⁹⁸). Но Горький в письме Луначарскому отвергал принцип утверждения Редколлегией Госиздата договоров, заключавшихся издательством, ссылаясь на то, что «выбором книг издательства ведает коллегия специалистов, компетенция которой в этом вопросе вне подозрений»⁹⁹. При этом Горький ссылался на отзывы «таких авторитетов, как Уэллс, Ан. Франс, Королевская библиотека в Стокгольме», о каталоге книг (проспекте) издательства. Оказалось, что «ежедневно заключается 5—10 договоров» и что «общая сумма заключенных договоров превышает 1500»¹⁰⁰.

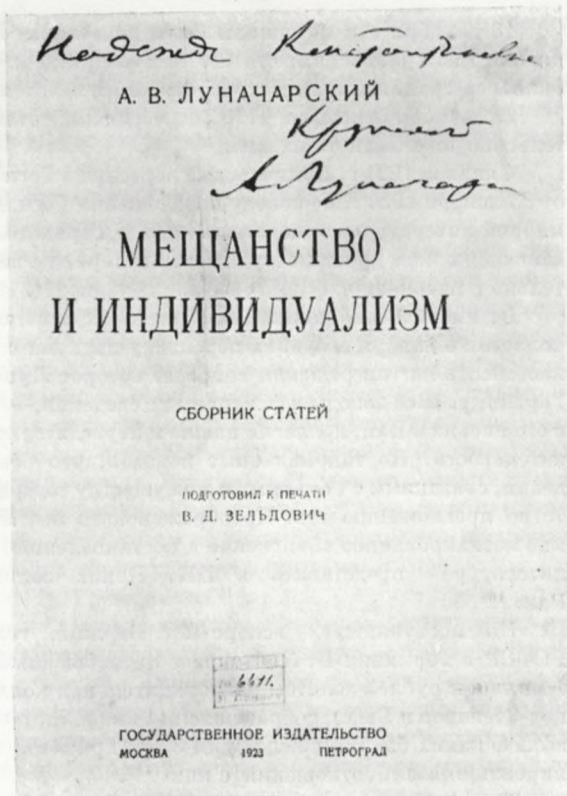
Отверг он также и предложение влить в Госиздат технический аппарат издательства.

В заключение письма Горький писал: «Вы, я полагаю, понимаете огромное культурное значение „Всемирной литературы“. За полтора года работы издательство сосредоточило около себя все наиболее видные литературные силы и сделалось естественным центром культурного общения, не говоря уже о том, что оно является для огромного количества сотрудников единственным источником их заработка. Все это заставляет относиться с большой осторожностью к возможным переменам в ее организации, тем более, что надобности в них, я повторяю, нет никакой»¹⁰¹.

Еще до получения этого письма Горького Луначарский 9 декабря 1920 г. сообщал Ленину: «Только что говорил по телефону с Вейсом о том, что вы желаете вызвать Гржебина срочно и сами подписаться под соответственной телеграммой»¹⁰². К письму

КНИГА ЛУНАЧАРСКОГО
«МЕЩАНСТВО И ИНДИВИДУАЛИЗМ» С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ Н. К. КРУПСКОЙ
1923 г.

«Надежде Константиновне Крупской. А. Луначарский».

он приложил составленный им текст телеграммы: «Берлин. Копшу. Необходимо Гржебину выехать немедленно <в> Москву. Максимальный срок 48 часов»¹⁰³.

По невыясненным причинам телеграмма Гржебину отправлена не была, и он вернулся в Россию только в феврале 1921 г.

В начале декабря 1920 г. Наркомпрос и Госиздат обратились в Совет Народных Комиссаров с обширной докладной запиской «К производственной программе Государственного издательства за границей»¹⁰⁴.

В этой записке обосновывалась необходимость перенесения печатания «наиболее нужной и срочной литературы» за границу и указывалось, что издательство Гржебина—Горького возлагавшихся на него надежд не оправдало, так как за 11 месяцев, прошедших со дня подписания договора, «ни одной книги Государственному издательству не сдало, ни одной из заказанных книг в Советскую Россию не доставило».

Авторы докладной записки сообщали, что для печатания за границей «в первую очередь» Госиздатом уже отобрано 230 отредактированных рукописей, и просили Совнарком отпустить для их печатания 6 миллионов рублей золотом.

16 декабря 1920 г. состоялось первое заседание Редколлегии Госиздата под председательством Н. Л. Мещерякова, только что назначенного на этот пост¹⁰⁵. На этом заседании были заслушаны полученные из Полиграфического отдела ВСНХ документы, отрицательно характеризовавшие деятельность Гржебина за границей. В них указывались конкретные факты спекулятивных сделок Гржебина с буржуазными фирмами, когда Гржебин и его представители (среди них оказался бывший посол генерала Юденича в Лондоне Кирдицов), действовавшие от имени Государственного издательства, требовали с издателей и владельцев типографии за предоставление им заказов определенный, иногда значительный «процент» в свою пользу¹⁰⁶.

Редколлегия постановила все эти материалы представить в ВЧК, копии — тов. Ленину, в ЦК РКП(б), в Наркомвнешторг и наркому просвещения.

18 декабря эти материалы были пересланы Ленину, причем в сопроводительном письме Вейс разъяснял, что «по настоящий день никаких напечатанных З. И. Гржебиным за границей книг Государственным издательством не получено»¹⁰⁷.

22 декабря открылся VIII Всероссийский съезд Советов. В связи с этим все издательские дела были отложены.

4 января 1921 г. Луначарский переслал в Госиздат (в копии) свой запрос Горькому от 23 ноября 1920 г. по поводу предложения Госиздата об изменении конституции «Всемирной литературы» и подлинный ответ Горького от 13 декабря. В сопроводительной записке нарком просил обсудить эти материалы на Редколлегии и сообщить ему обязательно в письменной форме свое заключение¹⁰⁸.

От имени Редколлегии Госиздата Вейс ответил Луначарскому, что Редакционная коллегия 6 января обсудила переписку наркома с Горьким и единогласно постановила настаивать на том решении вопроса, которое Луначарский изложил в своем письме к Горькому. «Все доводы и фактические сведения, — писал Вейс, — приведенные Горьким в его письме к Вам, коллегия нашла и неубедительными и не совсем отвечающими действительности. Но так как опыт показал, что решения, принимаемые Госиздатом по делам, связанным с Горьким, и по существу совершенно бесспорные, часто отменяются, то по предложению тов. Преображенского постановлено: поручить тов. Скворцову и мне мотивированное объяснение к постановлению Госиздата по вопросу о „Всемирной литературе“ представить в ЦК. Копию записки в ЦК одновременно перешлю Вам»¹⁰⁹.

На поступившую вскоре из Берлина телеграмму торгового представителя РСФСР в Германии В. Л. Коппа с просьбой выслать Гржебину «дополнительно» еще 1 миллион рублей золотом распорядительная коллегия Госиздата (Мещеряков, Скворцов-Степанов и Вейс), собравшаяся 11 января, ответила так: «Категорически отказать в выдаче каких бы то ни было сумм З. И. Гржебину до его приезда в Москву и до урегулирования взаимоотношений с ним»¹¹⁰.

Тем временем организация Заграничного отделения Госиздата натолкнулась на значительные трудности. Заксу, тесно связанному с германским коммунистическим движением, активному участнику Ноябрьской революции 1918 г. в Германии, немецкое правительство отказалось выдать въездную визу, и он застрял в Риге.

«С огромным опозданием, со всяческими задержками, отчасти они Вам известны, — писал Закс 12 января Ленину, — выехал я с поручениями Госиздата за границу. Сiju уже недели две тут, в Риге, и пока успел только сделать предварительную „разведку“: послал ряд писем и телеграмм целому ряду типографий в Германию, Швецию, Вену, Прагу и т. д. Обследовал возможности печатания в Риге и Эстонии <...>»¹¹¹.

Большие трудности испытывало и единственное советское издательство, которому удалось обосноваться за границей, — маленькое издательство Научно-технического отдела ВСНХ. Заведующий этим издательством, писатель Евг. Лундберг подробно информировал о них Закса.

Об этих трудностях было известно также Ленину, под председательством которого Совнарком два раза, 17 и 21 января 1921 г., обсуждал вопрос об организации печатания книг за границей и принял решение обязать Госиздат и НТО ВСНХ «не реже одного раза в месяц» отчитываться перед Совнаркомом в этой своей деятельности.

26 января Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад Госиздата о реорганизации «Всемирной литературы» и постановило принять за основу предложения Госиздата, а для более подробного изучения вопроса создать Комиссию ЦК РКП(б) в составе Преображенского, Зиновьева, Каменева и Рыкова¹¹².

28 января Закс, приехавший на несколько дней в Москву, обратился к Ленину с письменной просьбой о приеме для доклада. На этой записке Ленин сделал надпись: «Прошу узнать телефон и напомнить мне завтра. Ленин»¹¹³.

1 февраля Закс был принят Лениным и имел с ним беседу¹¹⁴, о содержании которой сведений не сохранилось.

5 февраля Политбюро ЦК РКП(б) вновь вернулось к вопросу об издательской деятельности Гржебина за границей и для ускорения решения этого вопроса произвело персональные замены в комиссии, назначенной 26 января¹¹⁵.

9 февраля представитель НТО ВСНХ в Берлине проф. Н. М. Федоровский спешил письменно предупредить Луначарского, что его сотрудники, только что вернувшиеся из Лейпцига, сообщают тревожные сведения об издательстве Гржебина. В отчете Гржебина напечатанными значились книги, которые существовали лишь как пробные экземпляры, сделанные на дорогой бумаге и по заниженным сметам, для того «чтобы вернее получить крупные казенные заказы» ¹¹⁶.

16 февраля Горький направил Ленину составленные им краткие «Тезисы доклада о печатании за границей изданий „Всемирной литературы“» ¹¹⁷.

В этих тезисах он предложил из-за отсутствия бумаги полностью перенести печатание книг издательства за границу. Новым было предложение Горького часть тиража издаваемых книг распространять на заграничном рынке. По «предварительной» калькуляции, предложенной Горьким и, конечно, составленной Гржебиным, выходило, что при продаже книг издательства за границей оно не только окупит все расходы, но и позволит почти бесплатно пересылать в Советскую Россию от 10 до 15 тысяч экземпляров каждой книги, изданной за границей. В качестве оборотного фонда для издания первых 20 книг Горький просил ассигновать «Всемирной литературе» один миллион германских марок и командировать в Берлин представителя издательства.

В тот же день Редколлегия Госиздата рассмотрела вопрос о горьковских издательствах и, принципиально одоблив проект нового соглашения с Горьким по «Всемирной литературе», в то же время постановила «приступить к немедленной ликвидации при посредстве Рабкринана отношений с З. И. Гржебиным» ¹¹⁸.

На следующий день издательством Гржебина занялась уже Коллегия Наркомпроса. На этом заседании, проходившем под председательством Луначарского, мнение Госиздата о необходимости расторжения договора с Гржебиным не получило большинства голосов. Было принято более мягкое решение: «Принимая во внимание заявление М. Н. Покровского о принятых Государственным издательством мерах к открытию за границей в ближайшем будущем официального отделения и вместе с тем учитывая огромную нужду Российской Республики в учебниках, выразить пожелание о рассмотрении Госиздатом в кратчайший срок вопроса о том, может ли Государственное издательство впредь до конструирования за границей своего отделения издать в России нужное количество учебников и не будет ли рациональным передать издание некоторых из них издательству Гржебина» ¹¹⁹. Итак, Луначарский выдвинул план приспособления издательства Гржебина для печатания учебников.

В Госиздате тем временем было получено письмо Закаса, в котором тот сообщал новые факты о Гржебине: «В ноябре прошлого года, т. е. тогда, когда для него уже очевидно было, что печатание обходится значительно дешевле в Германии, нежели в Швеции, он заключает контракт на печатание 5 млн. экз. книг в Швеции, говорит об общем заказе в 20 млн экз. и имеет от Госиздата заказов всего лишь на 2 1/2 млн. экз. Если до сих пор я соглашался с доброжелателями и покровителями Гржебина в <...> том, что он человек полезный, ибо он чрезвычайно энергичен, то теперь окончательно убеждаюсь в обратном — энергия его вся уходит на аферы. В Швеции он, несомненно, сильно нам нагадил и скомпрометировал нас чрезвычайно среди деловых людей» ¹²⁰.

Почти одновременно Луначарский получил личное письмо от Федоровского, который обращал внимание наркома на «рекламирование Комиссариатом просвещения некоего Гржебина. Пользуясь деньгами от вас и сотрудничеством посланных вами же профессоров (<Ф. А.> Браун), этот господин по всей Европе разрекламировал себя: „Издательство Гржебина. Стокгольм — Берлин — Петербург“. Это значит на всех книжках и даже на глобусах, которые сей предприниматель посылает к вам. Получилась совершенно дикая вещь. Германский книжный и типографский мир не знает РСФСР, не знает Комиссариата просвещения, но хорошо теперь знает Гржебина, живущего в спекулянтской гостинице „Адлан“, где останавливаются мировые „пибера“. Между тем непосредственное Издательство РСФСР здесь экономит массу денег и поднимет наше значение в Германии. Мне удалось организовать такое издательство, и я прошу вас ликвидировать Гржебина и обращаться к советскому учреждению „Бюро ин(остранной) науки и техники“. Мы получили согласие на сотрудничество швейцарских, шведских, голландских и, конечно, германских ученых. Проф. Альберт Эйнштейн по моей просьбе

даже написал приветственное письмо в Россию, которое я послал. Жду от вас самого энергичного содействия»¹²¹.

Эти ли письма сыграли свою роль или какие-нибудь другие дополнительные обстоятельства, но 24 февраля на пленарном заседании Редколлегии Госиздата среди присутствующих мы видим и Луначарского.

На этом заседании после обсуждения тезисов доклада Горького о печатании за границей изданий «Всемирной литературы» было принято решение «защищать в ЦК РКП точку зрения Госиздата о нерациональности при данных обстоятельствах переносить издательство „Всемирная литература“ в Берлин. Просить ЦК РКП вызвать на заседание по этому вопросу А. В. Луначарского и представителя Госиздата»¹²².

Об издательстве Гржебина тогда же было постановлено: «Обратиться в Оргбюро ЦК РКП с указанием на неправильный порядок рассмотрения дела З. И. Гржебина в Особой комиссии при ЦК, так как это дело должно быть передано или в коллегию Наркомпроса или в Малый Совнарком».

Как можно видеть из этих документов, Луначарский был подробно проинформирован членами Редколлегии о создавшемся положении с изданием книг за границей и принял сторону Госиздата. Об этом же свидетельствует отрывок из большого письма-отчета Закса Луначарскому из Риги 3 марта: «Из Госиздата мне сообщили, что 24 февраля вы участвовали в заседании Центральной редакционной коллегии и что вы собирались пойти к Владимиру Ильичу и толковать с ним по поводу препятствий, чинимых мне при хлопотах моих о моем допущении в Берлин. Смею вас уверить, дорогой Анатолий Васильевич, что еще куда важнее моего проезда в Берлин предоставление мне реальной валюты для производства стоящих на очереди работ»¹²³.

Из подробной докладной записки Закса в Центральный Комитет партии о его работе за границей видно, что торговый представитель РСФСР в Берлине В. Л. Копп, почему-то покровительствовавший Гржебину, чинил всяческие препятствия Заксу в его деятельности: отказался хлопотать о его въезде в Германию, не давал денег на печатание книг и т. д.

В этом письме, проникнутом большой горечью и личной обидой, Закс рассказывал о истории своей поездки за границу и между прочим писал: «Постановлением Центральной редакционной коллегии Госиздата я был командирован за границу. Командировка эта была предметом обсуждения ЦК нашей партии. Выданный мне тов. Луначарским мандат предварительно, до его подписания, посылался на утверждение тов. Ленину. Со стороны тов. Ленина существовало опасение, что моя командировка может иметь последствием приостановление издательской работы З. И. Гржебина, о полезности которой протрубил всем уши М. Горький. Более того — уже после подписания мне мандата М. Горький не раз делал попытки (беседы его с тт. Лениным, Рыковым и Преображенским в начале и середине декабря) убедить влиятельных товарищей в совершенной излишности моей командировки. Попытки эти оказались безуспешны»¹²⁴.

Наконец, 2 марта 1921 г. состоялось заседание комиссии Госиздата по ликвидации дел с Гржебиным. Как это и было решено Редколлегией Госиздата 16 февраля, кроме представителей Госиздата (Мещеряков и Вейс) и З. И. и Т. Н. Гржебиных, в заседании комиссии приняли участие представители Рабкина и Наркомюста¹²⁵.

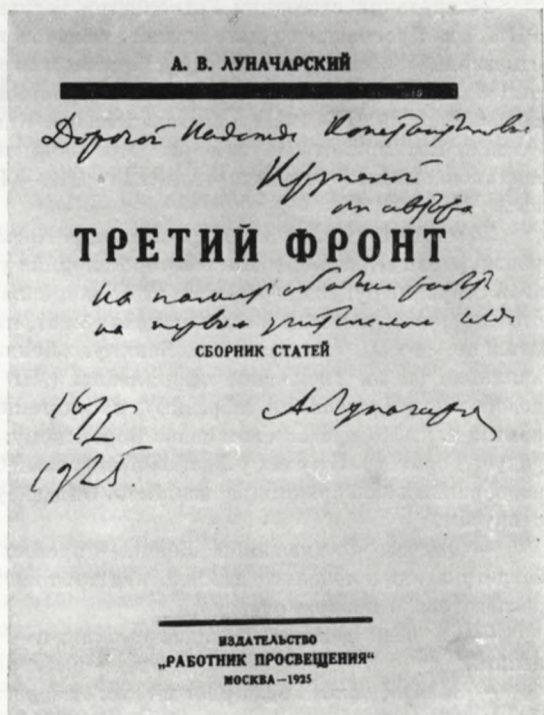
В решении комиссии констатировалось, что договор от 10 января 1920 г. был нарушен по вине Гржебина и что сделанные им за границей заказы по своим ценам на 20% превышали нормальные цены, существовавшие на заграничном рынке.

Как можно видеть из протокола комиссии, Гржебин признал все обвинения, выдвинутые против него. В свое оправдание он мог высказать только сомнение в том, что Госиздату удастся печатать книги за границей дешевле, чем это удалось ему. 4 марта Госиздат все материалы о ликвидации дел с Гржебиным препроводил Ленину¹²⁶.

Кроме официальных материалов, Ленину была послана копия письма Мещерякова к члену Особой комиссии ЦК А. М. Лежаве — ответ на обвинение Лежавой Мещерякова в особом пристрастии к Гржебину¹²⁷. Мещеряков писал, что он в течение долгого времени присматривался к Гржебину и «затруднялся принять то или иное решение, внимательно выслушивая обе стороны», но теперь убедился, что по сию пору Гржебин не выполнил ни одного обещания Госиздату («взялся изготовить сотни тысяч книг, но до

СБОРНИК СТАТЕЙ ЛУНАЧАРСКОГО «ТРЕТИЙ ФРОНТ» С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ Н. К. КРУПСКОЙ

«Дорогой Надежде Константиновне Крупской от автора на память об общей работе на первом учительском съезде. А. Луначарский. 16/1 1925»

сих пор не доставил Госиздату ни одной из них, ни в одном экземпляре». В заключение своего письма Мещеряков указывал, что если Гржебин уже самостоятельно, без поддержки Советского правительства, продолжая свою издательскую деятельность за границей, предложит нужную книгу за подходящую цену, то Госиздат с удовольствием возьмет эту книгу.

В этом же письме Мещеряков указывает, что представитель Госиздата Закс за очень короткое время, находясь в Риге, сделал много больше, чем Гржебин, почти год пробывший за границей в Швеции и Германии.

Об этом же более подробно 4 марта в докладной записке в Малый Совнарком писал Д. Л. Вейс¹²⁸. Он указывал, что Закс завязал отношения с немецкими типографиями и имеет полностью подготовленные к набору 34 книги, в том числе учебники для вузов — Северцева «Теория эволюции», Реформатского «Органическая химия» и др., — учебники для школ Цингера, Лебединцева и др., книги по педагогике Крупской, Дьюи, научно-популярные книги — Костычева «Появление жизни на Земле», Ю. Вагнера «Рассказы о животных» и «Рассказы о растениях» и др.

Вейс обращал внимание Совнаркома на то, что, в отличие от Гржебина, Госиздат так и не получил отпущенных ему Совнаркомом еще в апреле 1920 г. денег, и просил отпустить 20 млн. германских марок (примерно 1 млн. золотых рублей).

Материалы о расторжении договора Госиздата с Гржебиным Ленин передал в комиссию ЦК, которая ознакомилась с этими материалами и, выслушав личные объяснения Вейса и Гржебина, единогласно пришла к заключению о том, что договор был нарушен по вине Гржебина. Комиссия сочла необходимым, чтобы Гржебин вернул авансы, полученные им от разных советских учреждений, в том числе Госиздату — 500 тысяч германских марок¹²⁹. Это постановление глубоко встревожило Гржебина, и он обратился за помощью к Горькому¹³⁰.

Горький приехал в Москву и встретился с Лениным. Между 21 и 24 марта 1921 г. Ленин написал своему секретарю: «Найдите мне текст решения ЦК (последнего) о деле Гржебина»¹³¹.

24 марта на заседании Редколлегии Госиздата в присутствии представителя ЦК РКП Ем. Ярославского было принято решение проверить счета и уплатить за книги, заказанные Гржебиным в Швеции, хотя бы и втридорога, но только за книги, заказанные Гржебину Госиздатом и другими советскими учреждениями¹⁸². Через несколько дней комиссия ЦК РКП в составе Рыкова, Каменева, Зиновьева и Преображенского постановила принять к сведению это постановление Редколлегии Госиздата. «Этим постановлением,— отметила комиссия ЦК,— Гржебин считает себя удовлетворенным»¹⁸³.

26 марта 1921 г. на квартире Ленина в Кремле состоялось организационное собрание журнала «Красная новь», в котором принял участие Горький. Присутствовавший на этом собрании будущий редактор этого журнала А. К. Воронский позднее вспоминал, что Горький принес на заседание пачку книг, изданных Гржебиным за границей, специально, чтобы показать их Ленину. Ленин бегло просмотрел книги, обратив внимание на их роскошное оформление. (Мы уже знаем, что это были специально подобранные Гржебиным «образцы», напечатанные на лучшей бумаге, лучшими красками и т. д.) Но предоставим слово Воронскому: «Изданы книги отменно хорошо, и это радует Горького. В руках у Ленина прекрасный сборник индийских сказаний и легенд, подобранных М. Горьким (вернее, С. Ф. Ольденбургом.—Л. Х.) с большим мастерством и вкусом.

— Да, да,— соглашается Ленин,— превосходные издания, только поменьше бы беллетристики и побольше деловых книг. А то вот голод у нас и разруха. С ними нужно разделиться в первую очередь.

— Да ведь дешевка, Владимир Ильич,— убеждает М. Горький,— пустяки, копейки...

— Золото, золото ведь идет на это. А золота нет...»¹⁸⁴.

В это же время специальная комиссия ЦК РКП занялась рассмотрением предложения Горького о переное издание книг «Всемирной литературы» за границу на началах самоокупаемости.

7 марта Закс представил комиссии свои соображения по поводу проекта Горького¹⁸⁵. По его мнению, Горький был введен в заблуждение Гржебиным, который составил все расчеты, явно приукрашивая действительное положение русского книжного рынка за границей. Закс указывал на конкретные ошибки в калькуляции, например, на то, что средняя продажная цена каждой русской книги за границей не 20, а 12—15 марок, а указание на распространение за рубежом 5—10 тыс. экземпляров каждого названия русской книги слишком оптимистично, так как до сих пор в таком количестве экземпляров расходились только сочинения русских классиков, в том числе и самого Горького. Русской белой эмиграции, ошеломленной событиями революции и гражданской войны, неуверенно смотрящей в завтрашний день, было не до приобретения и чтения изящной словесности. Иностранцев же, читающих по-русски, в те годы было очень мало. При этих условиях часть тиража русских книг, предназначенная для распространения за границей, могла быть продана не раньше, чем через год-два. Таким образом, затраченные на издание за границей русских книг деньги не могли столь быстро, как это указывалось в «Тезисах доклада о печатании за границей изданий „Всемирной литературы“, вернуться обратно и почти окупить другую часть тиража, предназначенную для ввоза в Советскую Россию.

Что же касается книг иностранных писателей, которые, собственно, и собиралась продавать за рубежом «Всемирная литература», то они, по мнению Закса, сбыта бы себе не нашли: «Та часть белой эмиграции, которая владеет языками, предпочтет оригинал. Не купят их и иностранцы, которые изучают русский язык и русскую литературу; им не нужны переводы. Таким образом, самое большее в год может разойтись за границей каждого выпуска „Всемирной“ около 2000—2500 экз.».

Пользуясь случаем, Закс напоминал Центральному Комитету, что, несмотря на решение комиссии Совнаркома 20 декабря 1920 г. ассигновать на осуществление производственного плана Госиздата за границей 13 миллионов шведских крон и несмотря на то, что этим планом предусматривалось печатание книг особой, ударной важности, преимущественно учебников, медицинской, педагогической и другой литературы,

Наркомвнешторг до сих пор выдал Госиздату менее 2% ассигнованной суммы, что сорвало все планы издательства.

Какое решение приняла комиссия ЦК по проекту Горького — нам неизвестно.

Решение комиссии ЦК по делу о Гржебине еще подлежало утверждению Политбюро ЦК, и поэтому по распоряжению Мещерякова 9 апреля 1921 г. секретарь Редколлегии Госиздата Ш. М. Манучарьянц переслала Ленину яркий документ — копию служебного письма Федоровского своему начальнику М. Я. Лапирову-Скобло¹³⁶.

В этом письме, датированном еще 17 марта, Федоровский писал из Берлина: «До меня дошли здесь известия о шуме, поднятом Гржебиным вокруг его издательского дела в Берлине. Прошу вас сообщить всем, кто в этом заинтересован, в частности Мещерякову и Лежаве, мое мнение об этом господине в следующих словах.

Осведомившись о неожиданной поддержке, оказанной Гржебину нашими партийными товарищами, сообщаю, что:

а) По приезде в Берлин я познакомился с деятельностью Гржебина. Все показанное им и он сам произвели на меня положительное впечатление. Я <...> решил поддерживать Гржебина как у Коппа, так и в Москве.

б) Наблюдая деятельность Гржебина в продолжение трех месяцев, осмотревши работы в Лейпциге и познакомившись с его коммерческими методами, я пришел в ужас. За внешней деловитостью скрывается бездарность. Методы работы компрометируют Советскую Россию до последней степени. Работоспособность его — это работоспособность биржевика, будирующего себя комбинациями и махинациями.

<...> Я встречался лично со всеми теми типографщиками, с которыми имел дело Гржебин. Кроме самого неприятного впечатления и отношения к РСФСР на основании спекулянтских приемов Гржебина, выступавшего здесь как представитель Наркомпроса, я ничего не встретил. Как председатель Научно-технического отдела <ВСНХ>, как старый партийный работник, самым решительным образом высказываюсь против участия Гржебина в работе РСФСР за границей»¹³⁷.

Ленин уважал мнение Федоровского, который был коммунистом, известным ученым, профессором-кристаллографом. Ознакомившись с этим письмом, он переслал его в комиссию ЦК по делу Гржебина, надписав: «Л. Б. Каменеву. К сведению»¹³⁸.

27 апреля Политбюро ЦК под председательством Ленина рассмотрело вопрос о судьбе обоих горьковских издательств¹³⁹.

Постановление комиссии ЦК об аннулировании договора с Гржебиным и о выкупе у него всех заказанных ему изданий было утверждено Политбюро. При этом Госиздату предписывалось через неделю доложить об исполнении этого решения, а Мещерякову представить доклад о заказанных Гржебину книгах.

Следующим стоял вопрос о «Всемирной литературе». Политбюро приняло предложение Горького о печатании книг издательства в Германии и поддержало его мысль о продаже части тиража за границей. При этом, однако, было оговорено, что «Госиздату принадлежит право контроля и выбор рукописей для печати».

Во исполнение этого постановления Политбюро поручило заместителю наркома внешней торговли Лежаве в недельный срок выработать «определение сумм, которые должны быть выданы „Всемирной литературе“ как оборотный фонд, а также способа контроля над расходованием этих средств».

Это решение Политбюро, по которому Гржебин мог продолжать свою издательскую деятельность, правда, над старыми заказами, дошло в преувеличенном виде до «гржебиноеда» Закса, все еще сидевшего в Риге с готовыми рукописями, но без визы и без денег.

Закс немедленно подал в отставку и 18 мая писал в Рим Воровскому, отвечая на его запрос, как идут дела в Госиздате: «Послезавтра я уезжаю в Москву с тем, чтобы окончательно проститься с Госиздатом и пойти на другую работу. Представительство Госиздата в Риге пока остается. По постановлению ЦК все прежние отрицательные решения по отношению к Гржебину отменены и сейчас он, что называется, вполне на коне: увлекается грюндерством за советский счет»¹⁴⁰.

Однако отставкой Закса дело не закончилось. В тот же день, 18 мая 1921 г., в ЦК РКП(б) (и в копии Ленину) из Берлина поступила телеграмма, подписанная новым

торговым представителем РСФСР в Германии Б. С. Стомоняковым, его заместителем Ю. Х. Лутовиновым и Н. М. Федоровским. В этой телеграмме содержался протест против решения Политбюро о дальнейшей деятельности Гржебина за границей, так как там только что началось налаживание советского издательского аппарата. Авторы телеграммы просили отстранить Гржебина от дел и заявляли о готовности в противном случае подать в отставку ¹⁴¹.

20 мая Лутовинов направил Ленину большое письмо, в котором между прочим писал и о своем отношении к делу Гржебина.

25 мая нарком внешней торговли Л. Б. Красин, находившийся в Берлине, телеграфировал Ленину, Лежаве, Менжинскому и Луначарскому о том, что, заслушав доклад Лутовинова и Стомонякова, он опротестовывает решение ЦК об оставлении издательства Гржебина за границей. В телеграмме Гржебин обвинялся в том, что он подстрекал немецкие фирмы поднимать цены для заказов советских учреждений.

Эту телеграмму Ленин переслал председателю комиссии ЦК по делу Гржебина Зиновьеву, попросив его напомнить ему точное решение комиссии ¹⁴². Зиновьев ответил, что комиссия решала вопрос только о прежде сделанных заказах, новых поручений Гржебину не давала, но согласилась на то, чтобы были доведены до конца прежние заказы ¹⁴³.

30 мая 1921 г. Ленин написал ответное письмо Лутовинову, в котором, подробно останавливаясь на всех критических замечаниях Лутовинова и убедительно их опровергая, сообщал: «5) Гржебин. Вот о нем, и *только* о нем, прочел вчера Ваш и Стомонякова протест в ЦК. Рассмотрим его в первом заседании.

О Гржебине были разногласия у нас в ЦК. Одни говорили: вовсе убрать, ибо надуть может как издатель. Другие говорили: как издатель издает дешевле. Пусть лучше надует на 10 000, но издает дешевле и лучше.

Выбрали комиссию поровну из обоих оттенков. Я не вошел в нее ввиду моего „пристрастия“ (по мнению кое-кого) к Горькому, защитнику Гржебина.

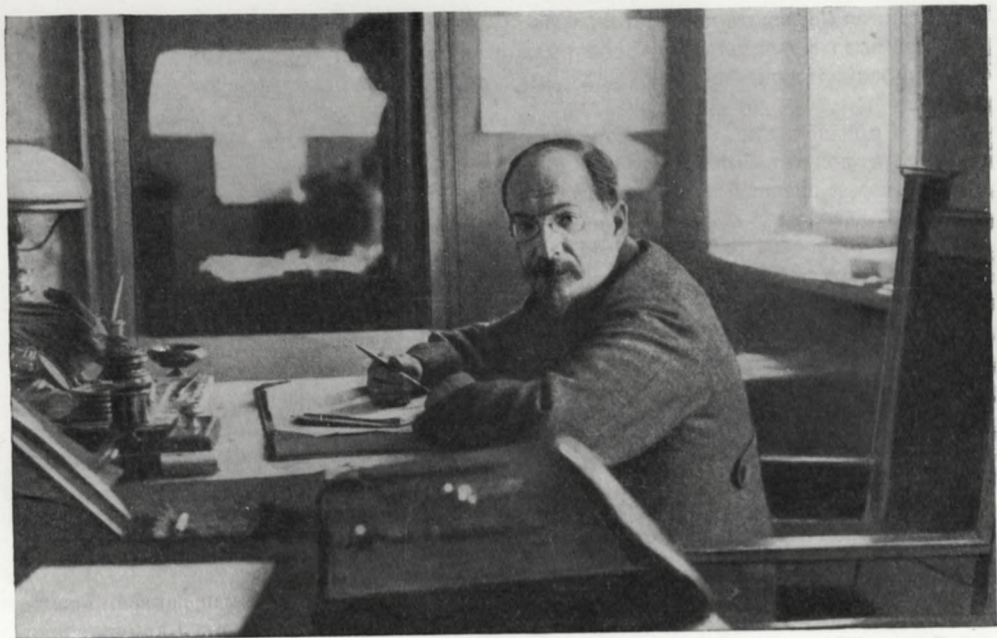
Комиссия решила дело *единогласно*. Не помню точно, как решила: кажись — покупать у Гржебина, если будет дешевле. Следовательно, Ваше заключение: „руководились не государственными соображениями“, а успокоением Горького, — прямая неправда. А Вы пишете: „Я убежден“!!! Если люди составляют себе „убеждения“ раньше проверки фактов, кои не трудно проверить, то как это называется?“ ¹⁴⁴.

На следующий день Политбюро ЦК заслушало протест Лутовинова и других по делу Гржебина и поручило председателю комиссии ЦК переслать утвержденный Политбюро 27 апреля текст постановления комиссии группе коммунистов, обжаловавших это решение, дав одновременно свои пояснения этого постановления ¹⁴⁵.

Госиздат тем временем пытался наладить свой издательский аппарат за границей. После ухода Закса на заседании коллегии Наркомпроса 30 мая по докладу Луначарского было принято решение о командировании для закупки и издания книг за границей «наиболее компетентного и ответственного лица». Таковым оказался член коллегии Наркомпроса, заведующий его Организационным центром З. Г. Гринберг, долгое время работавший в Петрограде и в отличие от вспыхнувшего Закса славившийся своей мягкостью и доброжелательностью ¹⁴⁶.

Возможно, что при этом назначении Луначарский вспомнил отзыв Ленина о Гринберге, о котором он упоминал в своем письме Е. А. Литкенсу в октябре 1921 г.: «Передам Вам один маленький факт. Когда в ЦК обсуждался вопрос о Гринберге, то Томский между прочим заявил, что он умеет вежливо принимать посетителей. На это Владимир Ильич заметил: „Если это так, то его необходимо оставить, потому что это одна из важнейших сторон настоящего администратора и этим нас наши ответственные работники не балуют“. Эти слова врезались в мою память, и я с ними совершенно согласен» ¹⁴⁷.

20 мая 1921 г. Совет Труда и Оборона под председательством Ленина, заслушав доклад Госплана об импортном плане на 1921 г., предложил ведомствам в недельный срок представить в СТО сведения о всех существовавших тогда за рубежом издательствах, выпускавших литературу для РСФСР, и о расходе средств в валюте, отпущенных для этих целей ¹⁴⁸.

ЛУНАЧАРСКИЙ

Фотография

1923 г.

7 июня Закс, работавший уже в Наркомвнешторге, представил в СТО подробный доклад, в котором в последний раз писал о надоевшей всем истории с издательством Гржебина.

«Первым по времени такого рода (т. е. работавшим за границей. — Л. Х.) издательством, — писал Закс, — было издательство З. И. Гржебина (договор с Госиздатом 5/1—20 г.), причем по валютным и политическим условиям момента заключения договора предполагалось, что работа этого издательства будет протекать в Финляндии, Эстонии и Швеции и за основу расчета будут приняты так наз. „думские рубли“. В течение многих месяцев от этого издательства не было сведений, а потом выяснилось, что оно печатает книги в Швеции и Германии, и притом многие книги, в заказ Госиздата не вошедшие. К сроку договора, т. е. в течение года со дня подписания договора с Госиздатом, издательство Гржебина ни одной заказанной ему книги в Россию не доставило, хотя и получило в октябре 1920 г. 500 тыс. германских марок, а несколько позднее начало требовать иностранную валюту в уплату за книги, из коих многие даже по названию не были одобрены Госиздатом (сочинения Ф. Купера) и ни одна не была Госиздатом проредактирована.

Постановление Госиздата об аннулировании договора с Гржебиным и отказ в дальнейшем отпуске валюты на издания этой фирмы имели последствием рассмотрение этого вопроса в ряде междудеятельственных комиссий, в результате чего, несмотря на очевидную невыгодность предложения этой фирмы, Госиздату было предписано утвердить за Гржебиным заказ в размере 8 115 574 германских марки и уплатить по счетам Гржебина за напечатанные в Швеции по баснословно высоким ценам русские книги, из коих многие не были заказаны Государственным издательством»¹⁴⁹.

Далее Закс подробно рассказывал историю мытарств издательства НТО ВСНХ в Берлине и Заграничного представительства Госиздата.

6 сентября 1921 г. Политбюро ЦК поручило секретарю ЦК напомнить Госиздату и Наркомвнешторгу о своем решении 27 апреля, по которому ими ничего не было сделано¹⁵⁰.

Реакция Госиздата неизвестна, а Наркомвнешторг внес в Малый Совнарком предложение выдать издательству «Всемирная литература» для печатания книг за границей ссуду в размере даже не одного, а $2\frac{1}{2}$ млн. германских марок на срок не свыше трех лет¹⁵¹.

Это предложение было оформлено в виде постановления Малого Совнаркома, но деньги должен был выдать сам Наркомат внешней торговли в счет своей сметы.

Наркомат внешней торговли издательство финансировать отказался, что вызвало протест Горького.

17 сентября 1921 г. Ленин писал Рыкову: «Тов. Рыков! По-моему, надо 1) созвать *завтра* старую пекистскую комиссию; Сталин, Троцкий (приедет сегодня), Вы, 2) подтвердить *с т а р ы й* договор; 3) отменить *в с е* его изменения и „поправки“; 4) дать *арх*инагоняй Заку *е щ е* от цекистской комиссии. Иначе выйдет архискандал с уходом Горького, и мы будем неправы, ибо однажды комиссия цекистов уже решила вопрос. Перерешать нельзя»¹⁵².

Неизвестно, как реагировал Рыков на эту записку, но деньги Горькому в это время выданы не были, так как ситуация с печатанием книг за границей существенно изменилась.

Сентябрь 1921 г. был как бы поворотным пунктом в положении советского издательского дела. Началось наступление на разруху, восстановление народного хозяйства.

Из-за границы вместе с первыми восемью вагонами напечатанных по заказам Госиздата в Берлине учебников для школ и вузов начала вагонами поступать закупленная там бумага¹⁵³.

Работа в московских типографиях настолько наладилась, что в ответ на требования Гринберга присылать новые рукописи для печатания Госиздат отвечал, что выгоднее теперь печатать книги на месте¹⁵⁴.

27 сентября Гринберг и Федоровский телеграфировали в Наркомпрос, что их буквально осаждают владельцы типографий и что крупный немецкий концерн обратился к ним с предложением «восстановить полиграфическую промышленность России, исподволь перенести туда печатание книг, предоставить значительный кредит»¹⁵⁵.

Даже частные русские издатели за границей начали предлагать свои книги на комиссию для продажи в России на условиях долгосрочного кредита¹⁵⁶. К этому времени они уже начали понимать всю необъятную емкость книжного рынка в глубинах России, где к книге тянулись руки не одиночек-интеллигентов, как на Западе, а многомиллионного массового читателя.

В этих условиях издание и тем более продажа книг «Всемирной литературы» за границей потеряли всякий смысл. Стало ненужным и советское издательство за границей, тем более что рабочие-печатники, вернувшиеся в свои типографии после демобилизации из Красной Армии, сидели без работы.

11 октября 1921 г. Совнарком принял постановление, которым все государственные учреждения и предприятия обязывались издавать необходимую им литературу исключительно в России. В случае особой технической сложности изданий печатание разрешалось за границей не иначе, как по особому всякий раз постановлению СТО. Все существовавшие за границей государственные издательские органы должны были быть ликвидированы¹⁵⁷.

Несколько ранее, 3 октября 1921 г., Политбюро ЦК по письму В. Р. Менжинского разрешило Гржебину с семьей уехать за границу¹⁵⁸.

Надо было решать вопрос и о дальнейшей судьбе «Всемирной литературы», и 10 октября Горький обратился к Ленину с просьбой принять для беседы А. Н. Тихонова, его заместителя по руководству издательством¹⁵⁹.

16 октября 1921 г. по настоянию Ленина Горький уехал за границу, заместителем его по «Всемирной литературе» остался Тихонов.

В декабре 1921 г. Луначарский сделал попытку прийти на помощь издательству, которое в условиях перехода на основы хозяйственного расчета попало в сложное и неопределенное положение. По его инициативе Организационный центр Наркомпроса заключил с издательством соглашение о предоставлении «Всемирной литературе»

заказа Наркомпроса на книги. Этим соглашением предусматривалась выдача издательству аванса в размере 100 тыс. руб. золотом¹⁶⁰.

Однако Отдел снабжения Наркомпроса отказал в авансе: не было денег. Тихонов вспоминал позднее, что, узнав об этом, Луначарский обратился к тов. Ленину с письмом, прося его оказать содействие «Всемирной литературе» и дать в этом отношении директиву тов. Литкенсу. По предложению тов. Ленина вопрос был отдан на рассмотрение тов. Каменеву, который дал благоприятный для «Всемирной литературы» отзыв и внес дело в Политбюро ЦК. ЦК, в свою очередь, также постановил удовлетворить ходатайство «Всемирной литературы» и предложил Наркомпросу выдать аванс¹⁶¹.

Не все правильно в этом сообщении, вернее в той его части, которая относится к решению Политбюро.

Политбюро действительно рассматривало вопрос о «Всемирной литературе» 17 января и 2 февраля 1922 г., но в первый раз оно отложило решение вопроса, чтобы вызвать на следующее заседание Луначарского и Литкенса¹⁶². Во второй раз Политбюро, заслушав сообщения Луначарского и Литкенса, постановило: «Отклонить предложение тов. Луначарского»¹⁶³.

Если предложение Луначарского заключалось только в финансировании издательства, то оно, конечно, к этому времени уже устарело, так как 11 января 1922 г. Правление Госиздата по соглашению с издательством приняло постановление, по которому «Отдел Госиздата „Всемирная литература“ становится независимым от Госиздата частным издательством, работающим на общегражданских основаниях»¹⁶⁴.

Издательство «Всемирная литература» прекратило свое существование в декабре 1924 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из последних исследовательских работ, посвященных этому издательству, можно отметить следующие: О. Д. Голубева. Горький-издатель. М., «Книга», 1968; Н. А. Шомракова. Издательство «Всемирная литература» (1918—1924). — В кн.: «Книга. Исследования и материалы», сб. 14. М., 1967, стр. 175—193; В. А. Максимова. Горький-редактор (1918—1936). М., «Наука», 1965; Р. М. Самарин. А. М. Горький и «Всемирная литература». — «Вестник Моск. гос. ун-та. Серия 7. Филология», 1963, № 1, стр. 3—14; Г. Б. Окунь. Деятельность А. М. Горького по переводам, изданию и пропаганде западноевропейской литературы в СССР. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1962; А. А. Бодрова. Горький и Восточная коллегия «Всемирной литературы». — «Сов. востоковедение», 1958, № 5, стр. 124—127.

² «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 71.

³ А. В. Луначарский. — «Призыв», 1924, № 5, стр. 119.

⁴ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 48, л. 2. В публикации «А. М. Горький — организатор издательства „Всемирная литература“» («Исторический архив», 1958, № 2, стр. 67—95) первая смета издательства отсутствует. Однако смета, вернее предисловие к ней, представляет известный интерес, так как это первый набросок программы издательства. Приведем только начало этого предисловия: «Задача издательства „Всемирная литература“ — познакомить русскую демократию с художественной литературой Запада и в особенности с теми из ее образцов, в которых с наибольшей яркостью отразились характерные черты западноевропейских народов, их истории, быта и духа. С этой целью издательство „Всемирная литература“ предлагает перевести и издать на русском языке избранные произведения европейской литературы и в первую очередь произведения английских, германских и французских писателей начиная с конца XVIII в. вплоть до наших дней.

По мере надобности и возможности все эти произведения будут снабжены необходимыми для русского демократического читателя редакционными примечаниями, пояснениями и вступительными статьями, дающими краткие сведения как относительно биографии приводимого автора, так и относительно художественных и социальных особенностей его произведений.

Предполагается издать книги двух типов: во-первых, дешевые брошюры объемом около двух печатных листов, заключающие один или несколько небольших рассказов, наиболее доступных по своей теме пониманию самых широких слоев демократии, и, во-вторых, отдельные тома размером около 20 печатных листов, а также целые серии книг, посвященные целиком произведениям наиболее крупных европейских писателей, выбранные с таким расчетом, чтобы они могли составить небольшую, но систематически подобранную библиотеку европейских литературных классиков.

Все названные книги будут изданы под общей редакцией М. Горького.

К работе по обследованию отдельных литератур предполагается привлечь компетентных специалистов.

Помимо содержания, издательство „Всемирная литература“ намерено обратить самое серьезное внимание также на художественную внешность издаваемых им брошюр и книг, снабдив их художественными рисунками и портретами авторов...» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3, л. 73).

⁵ Там же.

⁶ А. В. Луначарский. Комиссариат народного просвещения и писатели. — «Известия», 1919, № 27, 6 февраля.

⁷ См., например, «Вечерние известия Московского Совета», 1918, № 51, 17 сентября.

⁸ См. «Известия ВЦИК», 1918, № 197, 12 сентября; «Вечерние известия Московского Совета», 1918, № 48, 13 сентября и др.

⁹ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 72—73.

¹⁰ См.: «Максим Горький — комиссар типографии „Копейка“». Сообщ. И. Зюзенкова, Т. Калмыковой и А. Новиковой. — «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 63—66, а также воспоминания З. Давыдова «Максим Горький — комиссар типографии». — «Печатник», 1928, № 11, стр. 27.

¹¹ См. письмо 60 в настоящ. томе.

¹² ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 3, л. 52.

¹³ Там же, оп. 3, ед. хр. 29, л. 17.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, ед. хр. 9, л. 3.

¹⁵ См. письмо 69 в настоящ. томе.

¹⁶ Докладную записку Горького см.: М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 24, стр. 190—192.

¹⁷ См.: Б. С. Мейлах. Судьба классического наследия в первые послеоктябрьские годы (1917—1919). — «Русская литература», 1967, № 3, стр. 27—42, а также «Отчет о деятельности Литературно-издательского отдела Наркомпроса (К годовщине Октябрьской революции. 7/XI 1917 — 7/XI 1918)». М., изд-во Наркомпроса, 1918.

¹⁸ «Вестник литературы», 1919, № 7, стр. 11.

¹⁹ «Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области», 1918, № 6—8, стр. 29.

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 2, он. 1, ед. хр. 8217, л. 1—1 об.

²¹ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 73.

²² Ленин, т. 50, стр. 269.

²³ «Ленин о литературе и искусстве». Изд. 3-е. М., «Худож. лит.», 1967, стр. 762 (примеч. 163).

²⁴ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 3, ед. хр. 146, л. 159—159а.

²⁵ 26 апреля 1919 г. Горький сообщал Воровскому: «Только неделю тому назад мы получили 8000 пудов...» («Исторический архив», 1958, № 2, стр. 74).

²⁶ О роли Луначарского в объединении работы советских издательств см. наш комментарий к письму 73 в этом томе. Воровский как будущий заведующий Госиздатом был назначен членом Коллегии Наркомпроса постановлением Совнаркома от 14 марта 1919 г. (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 180, л. 162).

²⁷ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 74—75.

²⁸ Там же, стр. 75.

²⁹ Там же, стр. 75—76.

³⁰ Там же, стр. 76.

³¹ Там же, стр. 77.

³² ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 77 об.

³³ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 78—81.

³⁴ Там же, стр. 82.

³⁵ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 181, л. 128 об.

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, лл. 7—15; оп. 1, ед. хр. 46, лл. 203—222, 225—231, 243.

³⁷ «Каталог издательства З. И. Гржебина». С предисл. М. Горького. Пб. — Берлин, 1921.

³⁸ См., например, договор Гржебина с Центропечатью от 28 мая 1919 г. об условиях продажи 9 книг издательства на сумму более 2 млн. рублей (ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, л. 2). Всего Гржебин в 1918—1920 гг. получил от советских учреждений авансов на сумму в 23 млн. рублей и не издал ни одной заказанной ему книги (там же, л. 181).

³⁹ ЛГАОРСС, ф. 1000, оп. 3, ед. хр. 146, л. 222.

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 58 об.

⁴¹ Этот факт Луначарский разъяснил позднее в письме к Зинovieву 12 февраля 1923 г.: «С Гржебиным вышло чистейшее недоразумение. Когда он был еще в России, мы сговорились с ним о печатании моих мемуаров, причем я предполагал, что мемуары эти начнут печататься только через пару лет минимум и во всяком случае с особого моего разрешения. Так мы с ним и сговаривались. В то время мне крайне нужны были деньги, и я сдал ему первую часть этих мемуаров, за что получил некоторый,

довольно скромный гонорар. Каково же было мое возмущение, когда эта первая глава *через две недели после этого* оказалась напечатанной отдельным томом <...> В некоторое оправдание моему тогдашнему поступку приведу то, что бывший в то время в самых лучших отношениях со всеми нами Алексей Максимович не только всячески настаивал на моем соглашении с Гржебиным, но и всячески оправдывал Гржебина и называл недоразумением преждевременное появление первой главы моих мемуаров. Только поэтому я тогда оставил их появление без протеста» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3367, л. 15).

⁴² «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 167.

⁴³ Там же, стр. 565.

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 56, лл. 48—49, 60—61.

⁴⁵ Там же, л. 72. Из этого ничего не получилось, и позднее Горький объяснял в письме Воровскому, что бумага была закуплена на 5 млн. рублей, но «доставить ее не удалось» (там же, оп. 1, ед. хр. 91, л. 244).

⁴⁶ Там же, оп. 1, ед. хр. 88, л. 298.

⁴⁷ «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 178.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 128, л. 606.

⁴⁹ Письмо Горького — ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 114, л. 42 (автограф).
Постановление СТО — ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13695.

⁵⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13729. Интересно отметить, что, узнав о представлении Госиздату такой крупной суммы в валюте, Гржебин сразу же обратился в издательство, предлагая свои услуги для выполнения любых поручений Госиздата за границей (ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, л. 167).

⁵¹ «М. Горький и советская печать» («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1). М., «Наука», 1964, стр. 12.

⁵² Протокол МСНК № 474 от 13 мая 1920 г. подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 13969).

⁵³ Протокол № 479 также подписан Лениным (ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14074).

⁵⁴ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 68, л. 18.

⁵⁵ «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 183—184.

⁵⁶ Там же, стр. 183—184. Книга Чернова «Записки социалиста-революционера» вышла в издательстве Гржебина в 1922 г. (см. «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». М., 1961, стр. 187, № 1570). Автобиография Мартова под заглавием «Записки социал-демократа» была издана в 1924 г. издательством «Красная новь».

⁵⁷ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 84—85.

⁵⁸ Это было не совсем так. 8 апреля 1920 г. заведующий техническим отделом Госиздата И. Ф. Сафьян был командирован за границу, в Ревель (ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 103, л. 32). 10 июня он отчитался на Редколлегии Госиздата о своей командировке, и по его докладу было принято постановление: «Признать желательным печатание научных и учебных книг за границей, сосредоточив дело предпочтительно в Эстонии». Было предложено подготовить первую партию рукописей для отправки в Ревель и Юрьев. Вопрос о печатании в Германии и Швеции решили рассмотреть дополнительно, «по получении сведений о ценах» (там же, л. 28).

Происшедшая вскоре реорганизация Госиздата помешала немедленно выполнить этот план. 9 августа 1920 г. Закс писал полномочному представителю РСФСР в Эстонии И. Э. Гуковскому: «Главная беда та, что Гржебин и Тихонов разъезжают по границам и на деньги, которые мы им предполагали было отпустить, вздувают цены, конкурируют с нами у поставщиков бумаги и типографов» (там же, оп. 1, ед. хр. 136, л. 318).

⁵⁹ ЦГАОР, ф. 395, оп. 6, ед. хр. 27, л. 9.

⁶⁰ Там же, л. 12.

⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 14835.

⁶² ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 52, л. 39, и оп. 9, ед. хр. 108, л. 25.

⁶³ Там же, оп. 9, ед. хр. 108, л. 19 об.

⁶⁴ Она опубликована: «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 85—87.

⁶⁵ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 15.

⁶⁶ Там же, л. 14.

⁶⁷ ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 44, л. 176.

⁶⁸ Там же, оп. 13, ед. хр. 1а, л. 8.

⁶⁹ ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 167—167 об.

⁷⁰ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 87.

⁷¹ «Народное образование», 1958, № 4, стр. 25.

⁷² ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 25, л. 13.

⁷³ Там же, оп. 1, ед. хр. 120, л. 303.

⁷⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 112, лл. 1—2.

⁷⁵ «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 191.

⁷⁶ Там же, стр. 192.

⁷⁷ См. письмо 165 в настоящ. томе.

⁷⁸ См. там же.

⁷⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 686, лл. 18—20. Большой интерес представляет отрывок из другого письма Луначарского Крестинскому, отправленного через несколько дней вдогонку за первым. В этом письме Луначарский писал: «Вопрос о Заксе отпадает, так как с Заксом мы совершенно договорились. Остается для меня совершенно открытым и почему-то преисполненным невероятным количеством слухов вопрос о назначении заведующего Гос<ударственным> издательством. Я еще раз прошу Вас не принимать решения, не переговорив предварительно со мной. Дело это в настоящее время до крайности остро. Ходят слухи, что ЦК остановился на кандидатуре Еремеева. Простите меня, Николай Николаевич,— это никуда не годная кандидатура. Если бы Вы спросили раньше того же Вацлава Вацлавовича <Воровского>, он сказал бы Вам, какую ужасную хозяйственную, деловую и идейную разруху застал он в том чудовищном наследстве от так называемого <Издательства ВЦИК. Еще до сих пор издательство открывает в разных типографиях никуда не годные полуграмотные рукописи, которые благополучно печатаются через день по столовой ложке. Я самым решительным образом протестую против такого назначения, несмотря на то, что очень люблю и уважаю Еремеева. Во всяком случае прошу кандидатуру взвесить вместе со мной. Я не могу шутя относиться к моей фактической ответственности за Государственное издательство. Ко мне обращаются писатели, партийные и непартийные, частные издательства, Алексей Максимыч, всевозможные комиссариаты, обращаются по совершенно правильному адресу, и мне необходим постоянный контакт с человеком, стоящим фактически во главе Государственного издательства, и известное единство взглядов» (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3335, л. 6).

⁸⁰ «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 206—207.

⁸¹ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 56, л. 85. Еще до этого доклада Тихонова Закс в начале октября писал Горькому, пытаясь переубедить его: «Сведения и опыт А. Н. Тихонова, добытые и приобретенные им в командировке от Государственного издательства, должны, конечно, быть использованы не только и не столько для печатания отдельных томов серии „Всемирной литературы“, сколько для спешного издания целого ряда учебников общих и специальных, профессиональных, а равно других книг большой срочности» (там же, оп. 1, ед. хр. 25, л. 13 об.).

⁸² ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 796, лл. 94—95.

⁸³ Это следует из карандашных пометок на письме, сделанных секретарем Рыкова, и из отсутствия на письме делопроизводственного штампа (для входящих бумаг) Наркомпроса.

⁸⁴ «Ленинский сб.» XXXVII, стр. 264.

⁸⁵ Там же, стр. 264—265.

⁸⁶ Там же, стр. 265.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 8.

⁸⁸ Там же, оп. 1, ед. хр. 12, л. 101.

⁸⁹ Там же, оп. 13, ед. хр. 1а, л. 47.

⁹⁰ ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 2, ед. хр. 9, л. 485.

⁹¹ ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 108, л. 70б.

⁹² «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 87—88. В публикации письмо печатается по недатированной копии, но нам удалось обнаружить другую копию этого же письма с точной датой: 23 ноября 1920 г. (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 385, л. 395).

⁹³ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 88—91.

⁹⁴ М. Г о р ь к и й. Собр. соч., т. 29, стр. 396—398. См. также более раннее его письмо (5 июня 1919 г.) комиссару печати и пропаганды в Петрограде М. Лисовскому в кн.: П. В и т я з е в. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921, стр. 20—21, а также «Русская книга», Берлин, 1921, № 7—8, стр. 13.

⁹⁵ «Книга и революция», 1920, № 6, стр. 4—9.

⁹⁶ Там же, 1920, № 7, стр. 1—6.

⁹⁷ Там же, 1920, № 6, стр. 4.

⁹⁸ Там же, 1920, № 7, стр. 9.

⁹⁹ «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 88.

¹⁰⁰ Там же, стр. 88.

¹⁰¹ Там же, стр. 91.

¹⁰² См. письмо 172 в настоящ. томе.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 128, л. 128—128 об.

¹⁰⁵ Там же, оп. 1, ед. хр. 73, л. 375.

¹⁰⁶ Там же, оп. 9, ед. хр. 108, л. 2. Значительно раньше, еще 2 сентября 1920 г., о спекуляциях Гржебина в Стокгольме сообщал в письме к Луначарскому корреспондент РОСТА в Швеции В. Смирнов (ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 429, л. 92).

¹⁰⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32298.

¹⁰⁸ ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 180, л. 2.

¹⁰⁹ Там же, л. 3. Протокол заседания Редколлегии Госиздата от 6 января 1921 г. см. там же, оп. 1, ед. хр. 158, л. 6.

¹¹⁰ Там же, оп. 9, ед. хр. 139, л. 7.

- 111 Там же, оп. 1, ед. хр. 119, л. 22.
- 112 Постановления Совнаркома см. там же, оп. 1, ед. хр. 187, л. 53. Постановле-
- ние Политбюро 26 января.— ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 56, л. 2.
- 113 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 16969, л. 1.
- 114 М. И. Г л я с с е р. Два месяца работы В. И. Ленина. М., Партиздат, 1934,
- стр. 47.
- 115 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 129, л. 1.
- 116 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 316, л. 182.
- 117 «Исторический архив», 1958, № 2, стр. 91—92.
- 118 ЦГАОР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 197, л. 8.
- 119 Там же, оп. 1, ед. хр. 63, л. 114.
- 120 Там же, оп. 1, ед. хр. 119, л. 46.
- 121 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 696, л. 63—63 об.
- 122 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 158, л. 31.
- 123 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 2, ед. хр. 795, л. 83—83 об.
- 124 ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 128, л. 154.
- 125 ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, ед. хр. 376, л. 7.
- 126 ЦПА ИМЛ, ф. 461, оп. 1, ед. хр. 32294, лл. 1—5.
- 127 Там же, л. 3.
- 128 ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 13, ед. хр. 1а, л. 100.
- 129 Там же, оп. 6, ед. хр. 27, л. 35. См. также копию телеграммы Луначарского
- в Берлин 24 марта 1921 г. с сообщением о решении комиссии (там же, оп. 1,
- ед. хр. 228, л. 43).
- 130 Там же, оп. 1, ед. хр. 228, л. 73.
- 131 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 17733.
- 132 ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 197, л. 6. Интересно отметить, что предсе-
- датель Редколлегии Госиздата Н. Л. Мещеряков с решением Редколлегии не согла-
- сился и подал особое мнение: «Книги, напечатанные Гржебиным в Швеции, не приоб-
- рета́ть совсем».
- 133 Там же, оп. 1, ед. хр. 226, л. 197—198.
- 134 А. В о р о н с к и й. Эпизод.— «Прожектор», 1923, № 14, стр. 21—22. См.
- также более поздний и более известный вариант этих воспоминаний Воронского,
- опубликованный в журнале «Прожектор» в 1927 г. (№ 6, стр. 19—20) и вошедший во
- все издания сборников «В. И. Ленин о литературе и искусстве» и «В. И. Ленин и
- А. М. Горький».
- 135 ЦГАОР, ф. 395, оп. 13, д. 1а, л. 66.
- 136 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18127.
- 137 ЦГАОР, ф. 395, оп. 10, ед. хр. 128, л. 32.
- 138 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18127, л. 1.
- 139 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 155, л. 5, или ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10,
- ед. хр. 44, л. 229. Часть постановления (о «Всемирной литературе») см.: «Историче-
- ский архив», 1958, № 2, стр. 92.
- 140 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 32, л. 51.
- 141 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3341, л. 2.
- 142 Л е н и н, т. 52, стр. 416.
- 143 Там же.
- 144 Там же, стр. 226.
- 145 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 172, лл. 1—4.
- 146 ЦГА РСФСР, ф. 2308, оп. 1, ед. хр. 14, л. 316.
- 147 Там же, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 3337, л. 151.
- 148 ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 3, ед. хр. 215, лл. 3—4.
- 149 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 169, л. 43.
- 150 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 198, лл. 4—5.
- 151 ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 20795, лл. 1—4. Протокол МСНК № 747 от
- 12 сентября 1921 г. подписан Лениным.
- 152 Л е н и н, т. 53, стр. 198. В комментарии к этому письму ошибочно разъясня-
- ется, что речь шла о «договоре Госиздата с издательством Гржебина на сокращенное
- издание им за границей русских классиков» (см. там же, стр. 417, примеч. 230).
- 153 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 180, л. 166.
- 154 Там же, л. 191.
- 155 Там же, л. 168.
- 156 Там же, л. 170.
- 157 Там же, оп. 1, ед. хр. 274, л. 90.
- 158 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 210, л. 4.
- 159 «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 217.
- 160 ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 456, л. 31.
- 161 Там же, оп. 1, ед. хр. 1540, л. 5.
- 162 ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 253, лл. 1—3.
- 163 Там же, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 259, л. 3.
- 164 ЦГАОР, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 56, л. 91.